

ЮРИЙ ВАХТЕЛЬ

(10 августа 1908 — 13 мая 2001)

Летчик, капитан Югославской Королевской армии, церковный и общественный деятель Русского Зарубежья. Составленные на основе ранних дневниковых записей автора «Детские впечатления» являются самобытным свидетельством о времени, судьбах и переживаниях периода революции и Гражданской войны.

ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

РАЗГОВОРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Судя по всем последующим разговорам, теперь заключаю, что в Европе кончилась война, а помощь от союзников не пришла. Один человек очень красиво, гладко говорил:

— От Томми ждёте поддержки? Или от галльского петуха? От берсальеров, может быть? — и пояснял: — Недаром говорится: «англичанка подгадила». Из петуха жаль не дали Вили¹ сварить суп, а у итальянцев, поди, до сих пор сердцебиение, как бежали от Бороевича².

В разговорах, наверное, очень часто попадало Франции. Помню, у нас во дворе из железных прутьев построил Эйфелеву башню, а потом швырял в неё камнями, пока не повалил, и, грешным делом, размечтался, что хорошо было бы наказать на самом деле французов и разрушить им их Париж. В это время, по-видимому, в Версале заседала мирная конференция³, на которой, как известно, отсутствовала главная страна — воительница Россия, раздираемая гражданской войной и не допущенная к столу заседаний, как «Брест-Литовская изменница» общему делу союзников. Конечно, союзники здесь ничем не отличались от шулеров. Чуть им стало выгодно, они Ленина и К^о стали рассматривать как «русскую власть». Чем не краплёная карта?

Поразил меня один товарищ прокурора, как раз один из тех картёжников, что не пошли в армию. Он вдруг стал появляться всегда под сильным хмелем и, поднявшись по лестнице, в передней, где был сильный резонанс, пел диким голосом арию Мефистофеля⁴: «На земле весь род людской...» и т. д.

— Иван, опять ты пьян? — вторя своей матери, говорил его малолетний сынишка, но И. В., не обращая внимания, продолжал: «Мой совет: до обручения не целуй его...».

Кончалось пение слезами. Взрослые уводили И. В., а этот жалобно повторял: «Зачем, зачем?»

Но однажды он пришёл совершенно трезвый и, подойдя к нашему столу, обвёл всех нас каким-то странным, может быть, даже торжественным взглядом.

— Плакивайте Её, — сказал, очень тихо для своего громового голоса.

— Любочка? — всполошилась мама. — Ей худо? (Жена И. В. — Ю. В.)

И ей, и всем нам худо. Но все мы пока ещё живы, а *Она* нет. Мы все понимали, о ком он говорит, но тогда не думали так. Несмотря на поведение союзников, отсутствие помощи с их стороны, дело освобождения России подвигалось вперёд. Доброармия наступала.

* * *

Пошёл поболтать к Подбородку. Мы с ним дружили. Он с отцом, «Бородой», крестьянствовал под Ташкентом, а сейчас им там стало невтерпёж и они возвращались в Курскую губернию и, ожидая её освобождения от большевиков, проживали в одной из комнат Гарбузовского особняка. Дид их за людей не почитал, а они только посмеивались. У отца была борода лопатой, у сына поменьше, и мы, пока не знали их имён, так их прозвали.

— Правда, что крестьяне нас, городских, не любят?

Подбородок не сразу ответил, но спросил:

— Тебе кто это сказал?

— У нас об этом теперь все так думают.

И я рассказал Подбородку, что слышал недавно у нас за столом, закончив высказанным опасением, что если большевики научатся воевать, а в добровольцы городские не пойдут, то их сторона одолеет нас.

— Так оно и будет, — подтвердил Подбородок. — Нет ни у кого согласия, и у ваших тоже. Все друг на друга кивают. Ты, мол, иди, а я погожу, а там управляйтесь, а мы по-своему.

— А ты почему не пойдёшь в добровольцы?

— А вот и поэтому же. Дадут крест деревянный, а себе Георгия⁵, а не дадут креста, всё одно, повернут к старому, с одного бока барство, а с дру-

гого чёрный люд. Где ж такое видано по христианству? При царе терпели, а теперь зачем же? Царь для всякого был одинаков и всех одинаково жалел, хоть не добратся было до него, но, сказывают, доходили ходоки. Вот народ тогда терпел и сочувствовал. А как баре убрали царя, то и нету народа больше к барам, т. е. как говоришь, к горожанам никакого терпения.

Я пригласил Подборodka.

— Нам это никак невозможно, — возразил он. — Мы люди разные. Вот даже Дид на нас косится, по-своему презирает.

Рассказал маме. Она вздохнула и сказала, что каша-то вышла крутая и трудно её расхлебать, но надо на Бога надеяться, молиться, а не опускаться на дно, как И. В.

* * *

Читаю газету «Россия». Это главная в Екатеринодаре газета. Она на четырёх страницах, небольшая и на белой бумаге. При большевиках покупали «Известия». Газета по размерам была больше, но выходила на коричневатой обёрточной бумаге, и на первой странице была заполнена «закирпями», как мы с издёвкой называли приказы, прочитывая их наоборот. На первой странице «России» телеграммы с театра гражданской войны. Каждый день они сообщают о занятии добровольцами всё новых и новых городов и поселений. Только вот все пишут и пишут о Маныче. Что это за область? Что-то трудное, огромное, и где это, близко, далеко ли от нас?

* * *

Повёл-таки меня отец сдавать экзамены. Говорит, пропустил я целый год. Сiju в канцелярии инспектора и смотрю с завистью в окно. Передо мной площадь с громадой недостроенного кирпичного Собора, возле которого происходит обучение молодых добровольцев.

Экзамены сдал и принят в старший пригготовительный класс.

Сделав это горькое для меня дело, отец уехал на фронт.

* * *

Занятия в гимназии всё не начинались. Их откладывали с недели на неделю. У старшекласников приобрели все необходимые книги, а вот с тетрадями беда: их нет. Чернила сделал фиолетовые из химического карандаша.

В нашем дворе развлекаемся новыми командами, услышанными от кого-то приехавшего из Киева. Там при Скоропадском⁶ были какие-то

серо- и синежупанники. От них якобы и подхвачена новая команда, как, например, «железяко на пузяко ... Гггоп!», вместо «ружья на караул!»

Дид рядом в сарае рубил дрова. После случая с матросами он нас сторонился, да и мы его не замечали, а раньше всегда старались ему досадить. Теперь нам и невдомёк было, что искажение команд он принял в счёт нашей издёвки над его «балаканьем». Он, наверное, исходил от злости и стал так неосторожен, что его острый топор не попал в намеченное место, а, скользнув по полену, оттяпал ему добрую половину большого пальца левой руки.

С окровавленной рукой Дид выскочил из сарая и, смешно подпрыгивая (он ковылял. — Ю. В.), проклиная нас, побежал к племяннику. Этот только недавно возвратился с хутора. Диду помог Борода и, о чудо, с тех пор они вместе грели на солнышке свои старые кости, правда, оба не очень разговорчивые, но тем не менее стали друзьями.

Неожиданно с фронта возвратился отец. Он был чем-то очень расстроен. Под старость лет, говорил он, снова заставляют заниматься следственными делами. Отцу исполнилось «четыре-четыре», как он подшучивал, лет.

Через несколько дней он одел полковничьи погоны, более узкие, чем армейские, и свой судейский и университетский значок; он носил также солдатскую медаль на георгиевской ленточке за храбрость, выявленную в одном из боёв, и значок первопоходников⁷.

— Теперыча нам курьеров ненадоть, — смеялся он. — «Дела» не сложные, умещаются на четвертушке листа.

Все они касались офицеров, служивших у большевиков. Надо было уяснить причину такой службы. Оправданным офицерам возвращались все их права. Неоправданных судили за измену.

Помню, как-то вечером во дворе у нашего крыльца пожилого полного человека, странно одетого в некое подобие формы и в полковничьих погонах, но без шапки. Очень чем-то встревоженный, он разговаривал с мамой. Я подошёл.

Назавтра ему было назначено отвечать перед судом.

— Как он мог служить большевикам? — спросил я маму, когда он ушёл.

— Таких, как он, теперь много, — сказала мама. — Каждый день переходят на нашу сторону, и все знают, что их заставили служить. Но есть и настоящие сторонники большевиков, случайно попавшие к нам в плен или умышленно засылаемые. Всё это старательно надо выяснить, кто свой, а кто враг.

* * *

Как-то ночью зазвонил звонок. Бабушка пошла отпереть дверь, но, ещё не снимая болта, спросила, кто и что надобно?

Что-то ответили, чего бабушка не разобрала, и ушли.

Утром мы узнали, что у себя на квартире убит военный прокурор, полковник Лукин, непосредственное начальство моего отца. Двое в военной форме упростили их принять по спешному делу.

Но они ли этой ночью звонили у нашего подъезда?

У Лукина в руках была найдена бумажка с постановлением Чека о его ликвидации. В Екатеринодаре продолжали действовать террористические ячейки большевиков.

Наконец уроки начались.

Теперь я каждый день прохожу по главным улицам города: Красной и Екатерининской до Городских ворот. На пути встречаю много военных, а в обратный путь к 4 часам их ещё больше. Те куда-то спешили, а эти разгуливают, а одеты плоховато. Да и я хожу в обуви без подошв и негде достать другой, а утром мама на турецкой спиртовке подогревает мне чай, и очень редко, когда есть молоко и какао. На большую перемену покупаю либо пирожок, либо котлетку, и стоит недорого, по рублю. Но это специальные цены для учеников. А сам город всё ветшает. Красная улица вся в выбоинах и не чинят, а на нашей по обочинам толстым слоем лежит пыль, кое-где она поросла травой и в ней завелись занятные кузнечики и ползают жучки богомолы.

Куда-то делась «Чашка чая»? Вместо неё пооткрывались отремонтированные погреба с названиями, как говорят, какие были в столицах при Керенском: «Медведь», «Ша нуар» и др. Там выступают поэты, певцы, рассказчики, комики, гипнотизёры... Из открытых дверей доносятся обрывки ладной музыки; теперь знаю, из «Сильвы», а впрочем, и у нас дома её мурлыкали наряду с «Минуточкой» Вергинского и другими его вещицами. А на улицах до тошноты пели «Яблочко», забросив совершенно «Маруся отравилась» и «Пожар Московский». Проходящие части пели добровольческие песни, полные какого-то очарования. В них чувствовалось решение жертвовать собой для блага России. Казаки пели «Засвистали козачёнки», «На посты к нам монашка пришла», «Ты, Кубань...», «Тучки повисли».

Детворой мы подхватили все эти песни, и, сам не знаю как, у нас очень быстро получалось разделение голосов, и пели мы гармонично. Пели, маршировали и устраивали бои.

Без объявления войны у нас постоянно шли военные действия между детворой, проживавшей на Крепостной улице, и параллельной ей, Погореловской. Сад генеральши Домантович, обрыв и долина Кубани под об-

рывом служили местом боёв. В одиночку и малыми силами никто из нас не отважился бы пойти на вражескую улицу. Погореловцы появлялись у нас большими ватагами с пращами и кулаками. Такие же ватаги и мы сбивали. В одну из потасовок проломил камнем голову одному из погореловцев. Тогда взрослые начали разгонять «диких зверёнышей», по выражению одного из погореловских жителей.

Но жить в согласии, не имея противной стороны, не в нашем духе. И вот мы «задаёмся», становимся заносчивыми один перед другим. Мы задираемся и других вызываем на отпор. Я, мы, наше лучше. Нет, лучше я, мы, наше, выходит из себя другая сторона. В Екатеринодаре I гимназия задирала нос перед II, Реальное Училище перед обеими гимназиями, все перед Коммерческим училищем, только один вид их зелёных околышков и петлиц вызывал презрение — «Тторгашшши!!!».

А армяне — «Солённые!!!» Все убеждены: крестятся армяне в солёной воде. Значит: «Солёные».

А в здании нашей гимназии после Рождества устроен один из военных госпиталей. Классы разместились по разным зданиям, в чужих классных залах, и обучение происходит большей частью в послеполуденное время.

Вечерело, когда наш класс был выпущен по домам. И в это же самое время из соседнего здания был выпущен класс какой-то армянской школы. Понеслось: «Солёные!!!» Армяне быстро оценили обстановку. Они были старше, и их было больше. Расстояние между нами по диагонали Соборной площади, и оно стало быстро сокращаться. Армяне пошли в атаку. Наши первые силачи Ермоленко и Бубнов обратились в бегство. Надо было принимать бой чуть ли не самому против троих. Старик, держась за зонтик, долго наблюдал за боем. У нас всех, видимо, «бушевало» в азарте боя: «не посрамить земли русской», да как же это быть битыми какими-то «солёными»? Наверно, пришлось бы нам худо, не будь зонта старика. Им он разогнал драчунов. Дальнейший путь домой я проделал не по Красной, а рядом по Бурсаковской или Борзиковской, не помню, какое из этих двух названий точное. Мама ахнула, когда увидела меня. Объяснил: Ермоленко-силач и Бубнов удрали, и мы дрались одни.

Одно за другим. В эти же самые дни моего старшего брата, отличавшегося большой силой, и в драках он таранил и разбрасывал всех, лезших на него, подстерегли и здорово отлупили погореловцы. Его даже пришлось отвезти на извозчике в больницу, откуда он вернулся «подштопанный» и с повязками, но и с мечтой отомстить.

Сколько ни пришлось блуждать мне по свету, нигде ничего подобного не пришлось мне ни слышать и ни встречать.

* * *

С весны 1919 года, «отбивая крепко шаг» по булыжнику и ямам нашей пыльной улицы, проходили к Кубани на учение юнкера Алексеевского училища. Мы увязывались за ними и в прибрежных неровностях реки вместе с ними рассыпались в цепь, неслись в перебежках, а затем с восхищением наблюдали как за волшебством их строевые упражнения. Потом всё это мы с упоением повторяли, а чтобы нас было больше, как у юнкеров, мы всё это проделывали вместе с погореловцами.

Юнкера алексеевцы были одеты во всё английское. Припоминаю, как один юнкер препирался в строю с командиром роты. Он лёгкую тулью английской фуражки загнул вперёд, на лоб, на манер кепки. Командир требовал, чтобы юнкер поправил фуражку, но тот, закусив удила, доказывал, что и так хорошо. Мы все были на стороне командира и принялись свистать и орать, когда юнкер протестовал, и стали весело гоготать, когда юнкер сдался.

Английское обмундирование появилось в Добровольческой армии после прибытия англичан в Екатеринодар весной 1919 года.

Город встречал англичан с овациями. Их ждали, как избавителей от наивысшей опасности поражения из-за нехватки снаряжения. Им верили, мера их благородство на свой аршин. Город украсился союзническими флагами, все балконы — коврами и гирляндами цветов. Солнечный чарующий весенний день, до блеска начищенные трубы военных оркестров, гимны и марши, несущиеся из них, приодетые воинские части, приветственные клики толпы, нарядно по-весеннему одетой, создавали действительно праздничную картину. Так больше не пришлось ликовать столице Вооружённых сил Юга России и столице Кубани никогда.

Теперь будет вдоволь вооружения, и художник на плакате Освага⁸ изобразил зубастую рожу «Томми», тянувшего на верёвочке корабль, нагруженный пушками и танками. Там же, в главной витрине Освага, другой художник изобразил лысую мерзопакостную рожу Ильича и мефистофельскую Троцкого⁹. Ленин тычет пальцем в ось глобуса и говорит:

«Нет нам места на Руси,
Поместимся на оси».

Однако, хоть частично армия и приоделась, с приходом англичан не прибавилось оружия. Тем не менее полки Деникина поспешили к Москве.

* * *

Однажды из окна моего класса я увидел произведённый высшими чинами Добровольческой армии смотр над батальонами прибывших из Франции русских солдат. Они были частью до революции доблестного Русского

Экспедиционного Корпуса¹⁰. Солдаты были одеты в хорошо пригнанную русскую форму и во французских касках. Отсюда батальон отбыл на фронт, и при первом соприкосновении с большевиками солдаты перебили своих офицеров и перешли на сторону большевиков. Об этом писали в газетах.

В газетах замелькали имена красных полководцев: Котовский¹¹, Будённый¹², Жлоба¹³. Иногда мельком о «диачах» и «отоманах» Петлюре¹⁴, Махно¹⁵ и разбойниках и авантюристах более мелкого масштаба.

* * *

В это приблизительно время Екатеринодар поразило сообщение о женитьбе Деникина¹⁶. У нас пожимали плечами и говорили: «Тоже нашёл время». В Деникине давно разочаровались. Блестящий начальник «железной» дивизии Первой мировой войны, он явно не подходил к выпавшей на его долю миссии. Его окружение свидетельствовало об его неумении подобрать для штаба сотрудников. «Козлом отпущения» был генерал Романовский¹⁷. Ему приписывались все неудачные меры и план кампании Деникина. Определённо не доверяли генералу Маевскому¹⁸. Для устройства тыла Деникин и пальцем не пошевелил. Его лозунг «Единой и неделимой России» не находил отклика в массе в общем нездорового по тому времени русского общества и ничего не значил для крестьянства, мечтающего только о земле. Этот лозунг был враждебен для поляков и для русских отщепенцев, отказавшихся даже от русского имени и назвавшихся «украинцами».

Кубанская Рада, составленная в большинстве из социалистов и находившаяся под сильным влиянием украинских самостийников, не ладила с Деникиным и даже со своим атаманом генералом Филимоновым¹⁹. Деникин решил перевести свой штаб в Таганрог.

Как уже было много ранее отмечено, с уходом большевиков с улиц Екатеринодара исчезли и толпы австрийцев. Но, оказывается, с большевиками не все австрийцы ушли. Во многих домах вдруг заявили «настоящие венские повара», и кто их возымел, немедленно задира́л нос кверху. И наша соседка с первого этажа, генеральша Бабич, заполучила такого повара. Жила она с дочерью, молодой девицей, я не помню, чтобы у них были когда-либо приёмы по «Noblesse oblige»²⁰.

Краснорожего, с щетинистыми, нафабранными торчком под Вильгельма²¹ усами мы не переносили из-за его надменного вида. На всех и на вся он смотрел свысока, и, наверное, воспитанный в сугубо провинциальных рамках какого-нибудь австрийского захолустья, с очень ограниченным кругозором, он не понимал многого, презирал всё русское. Мы, дети, это чувствовали, видели в нём врага. Будь он за решёткой, на положении на-

шого пленного, мы считали бы его поведение нормальным для такого его положения и даже положительным его качеством.

Воспользовавшись тем, что он в своей голубой отутюженной форме, благоухающей за версту, куда-то изволил отбыть, мы проникли через открытое окно в комнату к врагу и учинили там подлинный разгром. Мы ничего не рвали и не ломали, но всё перевернули вверх дном и из перины выпустили пух. А был там отменный казарменный порядок, на стенах висели семейные карточки врага и, наверно, снимки с русского фронта. Всё это перемешав с бельём, мы оставили и вышли тихохонько через чёрный ход. Из квартиры неслись звуки пианино всегда одного и того же «Сорренто», генеральша ничего другого не умела играть.

Пришли к себе, расселись с книгами. Снизу брэнчало «Сорренто». Вдруг оно прервалось, и через минуту-две понеслись к нам нетерпеливые звонки. Мы притаились. Пошла открывать дверь бабушка, которая наконец стала уверять разъярённую генеральшу, что наши дети не способны совершать хулиганские поступки. Генеральша ушла ни с чем, а австриец снова расставил и развесил всё по местам. Но скотина кое-что сообразил и стал себя совершенно иначе держать. Усы его по-прежнему напоминали нам Вильгельма, однако их обладатель как будто узнал русскую поговорку: «Всяк сверчок знай свой шесток» и соответственно повёл себя.

* * *

Появился в нашем доме вольноопределяющийся из Бобринца²². Очень весёлый и остроумный молодой человек с громадной памятью на анекдоты. Все так и покатывались со смеху, когда он открывал рот, рассказывая о каком-нибудь пустяке или просто даже всем известный анекдот. Но и дельное нам преподнёс. Возле Бобринца (8000 населения при двух полицейских и долгие годы строящейся железной дорогой. — Ю. В.), оказывается, расположены потомственные имения Урицкого, Апфельбаума — «Зиновьева», а в городе дом Троцкого, с сестрой которого рассказчик не раз играл в карты. Когда пришли белые, они ограничились лишь допросом отца Троцкого. Старик обзывал сынка: «этот Лёвка дурак», «этот паршивец». Вообще за всю революцию в Бобринце погиб только один человек и то по собственной вине. Он был еврей и почему-то в доме у себя ходил всегда раздетым и так и открывал дверь на звонки. Какой-то «оттоман» со своей ватагой ходил по домам. На звонок еврей открыл дверь в своём обычном виде и, как слышали соседи, спросил:

— Вам кого?

— Тебя!

И тут же его убил.

Удивило всех, как это евреи да с поместьями? Оказывается, выслуженным николаевским солдатам, кантонистам²³, по их желанию, раздавали по 200 десятин земли с условием их эксплуатации и при запрете делить земли и продавать участками. Так вблизи Елизаветграда и имения Бобринского, около Бобринца, оказалось много еврейских имений.

ШКУРО

Очень толстая Олимпиада Павловна, наша соседка, восторженно передаёт маме, что рядом с её домом ремонтируют для генерала Шкуро²⁴ дом. При большевиках Олимпиада Павловна легко перескочила забор в её рост, испугавшись пришедших к ней с обыском красноармейцев. Этим вызвала смех, весёлое настроение у обыскивающих и лёгкость обыска.

Действительно, против нашего дома появились рабочие и быстро залатали и подправили мостовую. Похоже было, что Олимпиада не ошиблась. Но в это время Шкуро, по газетным сведениям, где-то гонялся и бил красных.

Так оно продолжалось и дальше, а Шкуро времени от времени действительно стал появляться. Тогда через открытую парадную дверь можно было увидеть на вешалке офицерскую шинель мирного времени, с красными генеральскими отворотами. Тогда же встречались и шкуринцы в черкесках и папахах с волчьими хвостами — «волки». Встретилась мне также и девушка «волк». Говорят, «шикарная наездница и пулемётчица». Она мне очень понравилась. Одета была в черкеску, с кинжалом и при шашке. Все с восхищением смотрели на шкуринцев, а самого Шкуро редко кто мог увидеть.

Когда с фронта приезжал, то, говорят, в доме у него стоял дым коромыслом и кутёж был такой, как у Петра Великого.

Мне однажды выдалось повидать Шкуро очень близко и довольно продолжительное время.

В то время я с приятелями околачивался на берегу Кубани. Сама река по летнему времени ушла в сторону на версту и более, открыв бугристое и всё в ямах теперь совершенно сухое дно.

Вместо ожидаемых юнкеров от Крепостной улицы появляется шагом конная часть. Она остановилась, и казаки по команде спешили недалеко от нас. Потом появился автомобиль под английским флажком, и из него вышло несколько человек в штатском и в английской форме. Потом подъехал ещё один автомобиль с русским флажком, и вышло из него несколько солидных в талии черкесок. В одном из офицеров я признал самого Шкуро. Англичане подошли к Шкуро и стали о чём-то говорить, и все очень размахались руками, что-то показывая на земле поблизости и вдаль. Потом англи-

чане вытащили два треножника, утвердили их рядышком и сверху поставили кинокамеры. Сначала снимали Шкуро с его офицерами. Шкуро в каком-то воинственном жаре, весь в движении, шибко жестикулируя кистями рук, отдавал приказания поочередно стоявшим навтыжку перед ним офицерам. Те, отдавая честь, спешили по местам. Услав последнего, Шкуро вскочил на подведённую ординарцем лошадь, картинно поднял её на дыбы и умчался. Судя по оскаленным рожам англичан, они были очень довольны таким началом съёмок. За сим из-за бугра выскочила сотня и рассыпавшись лавой, помчалась к съёмщикам. Казаки на полном ходу проскакали мимо съёмщиков. Снова снимали Шкуро, уже на лошади верхом, и тот снова как-то особенно шибко стал жестикулировать, опять кистями рук, и казаки, поняв команду, быстро сомкнули лаву и, повзводно построившись, на рысях прошли мимо съёмщиков. Потом началась джигитовка. Англичане весело улыбались.

Шкуро услали сотню. Казаки запели, красиво, как всегда, и мы подрали за ними, благо сотня пошла шагом. Думаю, в английском военном архиве, в надлежащем отделе сохранилась эта лента.

Несмотря на кутежи, которые не прощались Май-Маевскому, жители наши, все соседи, охотно мирились с кутежами Шкуро. Он был свой, он был герой, часто заглядывавший смерти в глаза, и в деле всегда трезвый, собранный и умело находчивый.

Кадя

Однажды к столу подозвал меня незнакомый полковник в серебряных погонах с жёлтым просветом. Он стал задавать мне вопросы о том, о чём и вдруг предложил мне выпить с ним на брудершафт. Эта шутка мне понравилась, но он заставил меня называть его «Кадей». Барон Аркадий Павлович Притвиц объявил всем, что я его закадычный друг. Шутка эта длилась несколько недель, сколь он навещал нас, и я успел освоиться с ней, как с самой настоящей реальностью. Узнав, что я хорошо рисую, он повёл меня в студию художника Харитонов, проживавшего в собственном доме наискосок атаманского дворца. Харитонов учинил мне экзамен и, чтобы не охладить мой пыл, вынес решение продолжать мои рисунки в прежнем духе. Его ученик, поручик Евгений Доминик, сделал с меня набросок в карандаше, и ещё долгие годы мама его хранила, пока окончательно не распалась наша семья. Позднее я помогал поручику Жене Доминику в его предприятии. Он добывал средства на жизнь, делая рекламы. На Красной улице у него была витрина с рекламами, и многие из них я раскрашивал. Поручик Доминик погиб во время отступления из Екатеринодара в утренней перестрелке с зелёными в том же отряде, где был и мой отец.

К моему сильнейшему огорчению, чуть ли не отчаянию, Кадя заявил однажды, что он уезжает в Таганрог. Кадя всегда болтал со мной, читал мне,

наносил мне книг и, как не удивительно, я воспылал к нему сыновним чувством, пожалуй, в большей мере, чем к отцу.

Родители отпустили меня с ним на всё лето.

Уже сама дорога представлялась мне верхом счастья.

Раньше мы несколько раз пересекали Россию с Северного Кавказа в Полесье и оттуда в Петроград, проезжали Москву, побывали в Полтаве, Киеве. Не зная забот взрослых, дорога нам мнилась длинным празднеством.

Ростов

Поезд отходил утром. От радостного возбуждения я не уснул, и когда очутился в купе и сидя у окна, приготовился рассматривать проносившиеся разнообразные виды полей и всё, что на них, я сразу задремал, очнулся тогда, когда день догорал и от Кубанского ландшафта не осталось и следа. Рядом с поездом протянулась чёрная накатанная дорога, за ней ровная, как тарелка, степь без единого дерева. От такого вида я снова задремал и проснулся от странного постукивания колёс и периодически накатывающего шума. Замедляя ход, поезд проходил по большому мосту. Ещё немного — и мы были на Ростовском вокзале. На путях рядом платформы, выкрашенные в бело-сине-красное. От множества огней светло, как в солнечный день. Мимо окон вагона торопливо проходят люди, в коридоре, когда мы вышли, — затор. Наконец мы на площади перед вокзалом. Стоят защитного цвета трамваи. Мы вошли в садик, в глубине которого большой в несколько этажей дом. По дорожке навстречу идёт казачка и энергично размахивает юбкой и руками, громко, на мотив «Яблочка», поёт:

«Ни за Троцкого, да ни за Ленина,
За донского казака, за Каледина».

У неё корзинка с хлебом. Кадя хотел купить.

— Не для продажи. Да берите так, нам хватит.

И она мне сунула в руки булку, а сама заспешила к выходу и на протест Кади повернулась и засмеялась, махнув рукой, и скрылась за калиткой.

— Кто из нас похож на нищего? — спросил Кадя.

Мы вошли в подъезд и по лестнице поднялись, помнится, на 3-й этаж. Нас ждали.

— В семье самого молодого полковника в армии, — как это сказал Кадя, — принимают путников так же, как и у вас в доме.

После этих слов застенчивости моей как ни бывало, и я стал себя чувствовать ловко, как дома.

— А самого молодого полковника нет дома. Он на фронте, где-то под Харьковом, — сказала очень приятная на вид молодая дама.

Вообще все здесь в доме были молодые и приятные. Дама оказалась женой полковника, остальные были сестрами его и её.

Нас ждал ужин и приготовленные постели.

Отдавая хлеб, Кадя рассказывал, как он нам достался. Сестры не очень удивились, но так и не смогли догадаться, кто эта казачка. Решили: с поезда, из какой-нибудь станицы, так как хлеб нездешней выпечки. За ужином заметил, что еда разнообразнее нашей. Дон-батюшка рыбку подбрасывает и Керчь недалеко, и овощей хоть завались, и деньги наши, донские, у всех водятся.

После ужина прошлись немного по Садовой, а наутро самая младшая из сестёр показала мне город. Дошли до Собора. Он скромнее нашего Екатерининского, вроде Войскового, но как-то упрятан. Зато чистота, порядок, хорошие мостовые и дом, и всё это куда лучше Екатеринодарских.

К поезду сёстры вышли нас провожать. Говорят, они всегда провожают всех, кто у них останавливается. Многих из них уже нет в живых, а другие калеки, но пишут часто, а теперь стали письма приходить и «из самой России», а скоро, даст Бог, и из Москвы, а там и из Петрограда.

Все шесть стояли рядышком и махали нам платками, когда поезд тронулся. Забавно, ни одной имени не вспомнил, а картинка проводов — как будто вчера их всех видели.

Мимо поплыли жёлтые поля с подсолнухом.

— Вот где макухи-то будет.

— Им не нужна макуха, тут, брат, поблизости антрацит добывают, самый лучший каменный уголь, — сказал кто-то из пассажиров и тут начали спорить. Только и слышал: макуха-антрацит.

От этих желтых полей веяло каким-то устоявшимся бытом, миром, и совсем странным, отдалённо чужим и нелепым показался плакат на стене небольшой станционной постройки, у которой поезд простоял в полном безлюдии минут с десять. На плакате двое звероподобных большевиков держат связанного старого казака, другие грабят и поджигают дом и, расставив руки, гоняются за птицей.

Около 4 часов дня поезд вошёл в тупик Таганрогского вокзала.

ТАГАНРОГ

От вокзала ехали в извозчичьей пролётке по тихим уютным улицам, обсаженным акацией, и с невысокими белыми обывательскими домами и пространными пустырями. На одном перекрёстке прождали, пока не прошла длинная похоронная процессия.

— А это, надо быть, к счастью, вашввскродие, — произнёс извозчик, обернувшись на козлах лицом к Каде.

Но Кадя пошутил:

— Какое уж счастье, если к обеду не опоздаем.

— В обиду не дадим.

И извозчик пустил лошадей чуть ли не вскачь. Я едва удерживался на узенькой откидной скамейке. Белая мостовая была не лучшего качества.

После продолжительной езды и нескольких поворотов остановились у большого дома с садом по бокам и позади дома. Это было Офицерское собрание. Деникин уже был в городе и в это время как раз, закончив свою трапезу, в обществе жены и нескольких офицеров сидел на садовой скамейке в тени каких-то кустов. Он был одет по-летнему, в рубашке солдатского образца с нашитыми на неё генеральскими погонами и с Георгиевским крестом и значком первопроходника. Кадя пошёл ему представляться и очень долго задержался, представляясь другим офицерам и генеральше К. Деникиной. Голодный и чем-то недовольный я слонялся по саду и, проходя, поравнялся с сидящими на скамейке двумя девочками моих лет. Одна была в белом платье, а другая — в красном.

— А, вот и русский флаг!

И кто-то, сзади подкравшись ко мне, силой усадил меня между девочками. На мне был синий костюм.

В свои 10 лет «девчат» я, конечно, презирал, но и русский флаг не хотел ломать и поэтому остался сидеть на месте, но выглядел букой. Шутник, поставивший меня в такое положение какой-то корнет, отлично понимал мои переживания и принялся было и дальше изводить меня, но в это время появился Кадя и позвал меня в столовую.

— Я вам отомщу, — успел я прошептать корнету, но этим только привёл его в самое весёлое настроение.

Я был удручён и отнёс весь этот казус к похоронной процессии. Со всем не к счастью и извозчик плут.

Дом бельгийца

Комнату для Кади реквизировали в доме бельгийца. Такой большой квартиры и такого великолепия я ни прежде, ни после в жизни своей не встречал. Снаружи дом ничем почти не отличающийся от других, внутри имел такое удачное распределение комнат, что для комфорта лучше не придумать. Предоставленная нам комната, как и другие, с потолком высоким и тремя высокими и большими окнами, как бы лишали комнату её стен. столько было в ней прохлады. Кровати убаюкивали. Убаюкивала и музыка, по вечерам доносившаяся из близрасположенного городского сада. Своим фасадом дом выходил на главную, Петровскую, а двор простирался на всю ширину квартала с воротами на Петровскую и Греческую. От Греческой тут же спускалась к морю широкая каменная лестница.

Внизу, у яхт-клуба, на путях постоянно стоял блиндированный поезд «Атаман Орлов». У яхт-клуба можно было купаться, но не пловцам лучше не соваться. Покатая каменная набережная обрывалась под водой отвесной стеной, а воды Азовского моря отличаются только своей солёностью от воды Кубани.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБМУНДИРОВАНИЯ

Из Константинополя наш хозяин пригнал пароход с новым английским обмундированием. Спросил его, как это он сделал, но бельгиец только заулыбался и не счёл нужным пускаться с мальчишкой в пояснения. Кадя мне что-то тоже не сумел объяснить. Я и бросил расспрашивать.

Было объявлено в городе, что всем желающим заменить свою старую форму на новую английскую надлежит лично прибыть в такие-то дни и часы к дому №... на Петровской улице.

Несколько дней подряд весь дом представлял собой огромный склад мануфактуры, и работа кипела. В большой зале громоздились горы тюков. В подвальном помещении происходил обмен вещей. Тут же с сантиметром в руке стояла прислуга бельгийца и определяла для каждого номер одежды.

Помню, возникло продолжительное препирательство между раздатчиком фуражек и «клиентом». Офицер хотел получить новую фуражку, а старую оставить за собой. Не дали.

Много ли военных в Таганроге?

Судя по отшумевшей только что «ярмарке» в доме бельгийца, — много. Комплектов было роздано на два полка. Но, возможно, что одно лицо приобретало два и больше комплектов, так как для учёта выданного пользовались только подсчётом оставленной старой рвани. Старьё тоже не залёживалось. За ним пригоняли пленных большевистских солдат для раздачи и им.

Да, на улицах, даже на нашей главной, Петровской, совсем мало прохожих и военных не видать.

Тихий, уютный городок Таганрог.

Но и в нём шли повальные обыски при большевиках и тоже, наверное, завывали собаки, чуя кровь расстреливаемых.

РАСТРЕЛЯННЫЕ

— Поедем на городской пляж, — предложили мне скауты, мои таганрогские новые друзья.

Сговорились. Я отпросился и в назначенное время ожидал их в уговоренном месте. Но пришёл только один, да и то только сказать, что у скаутов назначено какое-то соревнование, а сам он прибыл только для того, чтобы проводить меня к пляжу. Пошли в противоположную сторону от знакомо-

го мне яхт-клуба и шли довольно долго по длинной улице с одинаковыми белыми домиками со ставнями на окнах. Шли сначала в гору, а когда дорога пошла вниз, очутились у пляжа. Скаут распрощался, а я с удивлением уставился на песок. Левая часть пляжа была полна народа, а с середины его вся правая была пустынна.

Решил раздеться и лезть в воду именно тут, где нет людей. Вода чище, подумал. Но когда уже был в воде по колено, услышал — кричит кто-то:

— Назад, мальчик, назад!

В это время напоролся на какую-то странную продолговатую гальку. Поднял и вижу: какая-то кость. Бросил в сторону. Человек, что кричал, подбежал к воде и говорит:

— Нельзя здесь купаться, тут ведь кладбище расстрелянных. Тут их сотни и сотни.

Выскочил из воды. Пропала охота купаться.

— Надо похоронить по-настоящему, — говорю, а сам думаю, вспоминаю, как несколько дней назад все из нашего дома, хоть и иностранцы и католики, ездили на кладбище, на панихиду по трём юношам, расстрелянным большевиками. Сказал об этом.

— Это по родственникам или знакомым. Такие панихиды тут часто совершают. Да, оставили память о себе. Сколько крови пролили, сколько слёз пролилось, и сейчас глаза не просыхают!

(Хорошо было бы у таганрогского старожила узнать больше об этом «кладбище». — Ю. В.)

ГОРОДСКОЙ ТЕАТР

Кажется, наш бельгиец пользуется большим почётом в Таганроге. Без него в городе не проходит ни одно начинание. Теперь он приглашён осмотреть помещение для театра. Его дочь Эдит, проща Дидя, и я напросились пойти тоже. Оказалось, и ехать никуда не надо, а всего по Петровской пройти с квартал-полтора до памятника Петру I и войти в ворота городского сада. В нём и театр. Помнится, довольно обширное деревянное строение. С уходом большевиков нога человеческая в нём ещё не была. Очень грязно, неудобно в нём показалось. Но любопытство толкало повсюду нос совать — пошли с Дидей за кулисы. Она корчит из себя мальчишку и всё вперёд забегает. Справа вокруг сцены у стены несколько ступенек вверх. В углах ступенек густая паутина. Дидя вперёд — и вдруг как завопит!.. А я шёл следом и тоже влетел голыми икрами ног в усыпанную блохами паутину. На вопль Диди примчался её отец. Но она уже смеялась.

Постановили помещение дезинфицировать формалином и передать театральной труппе. Уходя, смеялись над нечистоплотностью «авангарда человечества».

ИМЕНИНЫ

Предстоят именины Диди.

Кадя заказал у столяра в городе 6-дюймовый чурбан и раздобыл прозрачную бумагу разных цветов. Тайком от Диди мы под начальным руководством Кади наклеили штук за сотню «китайских» фонариков.

В день именин вся квартира утонула в цветах. Один букет был устроен в виде корабля. На хорах зала разместились трубачи полкового оркестра. Стол широкий дубовый был удлинён в обе стороны без того огромной столовой. Одним концом через широкие двери он вошёл в «золотой кабинет», другим вылез на веранду и под прямым углом, завернув, занял ещё всю часть веранды, обращённой во двор. Думаю, собралось гостей человек за триста. Угощение было обильное, но не пишу о нём, так как в те мои годы питание и яства не представляли для меня интереса. А вот запомнил, что пиршество окончилось мороженым, оно особенно интересовало собравшихся дидиных друзей, всех моих и её однолесток, да и меня тоже. Говорились речи. Какой-то офицер стал говорить о патриотической деятельности хозяина. Другие выделяли его особую заслугу, материальные издержки и успех в том, что ему удалось обмундировать тысячи людей, кричали ему «ура», хоть и не военному. Не забывали, конечно, и об имениннице в пожеланиях всех благ.

Во дворе стемнело. Кадя распорядился, и сразу по всему двору зажглись наши фонарики. В зале грянула музыка, и начались танцы, на которых впервые я увидел танго и услышал «Под знойным небом Аргентины». Но, по моему детскому разумению, полковой музыке страшно мешала какая-то сильно декольтированная дама, которая пела у рояля, хотя ей и хлопали и кричали «браво». А один ещё пел под Вертинского.

Через несколько дней белые взяли Харьков, и Кадя получил туда назначение.

Для обоих нас разлука оказалась горькой и навсегда. И вряд ли когда-либо встретил Кадя своего настоящего сына, на которого я был похож, и которого он оставил в Петрограде, уходя на юг.

АГЕНТУРА НЕ ДРЕМЛЕТ

Снова жара, духота, комары. Я дома, в Екатеринодаре. В Таганроге и месяца не пробыл и сейчас тоскую по морю и всей той лёгкой и привольной жизни, с которой соприкоснулся под кровлей гостеприимного бельгийца. Не хватает Кади, таганрогских скаутов и даже девчонки Диди, с которой больше ссорился, чем ладил, и тем не менее она расплакалась, когда я с ней прощался.

От комаров ухожу ночевать к тётке. Теперь она живёт не с нами, а в своём центре города в большом доме, отведённом для «Управления Началь-

ника Инженеров». Там теперь служит дядя и там же у тётки открыт зубо-врачебный кабинет. Когда кончаются в Управлении занятия, я блуждаю по настее открытым комнатам. Они все в сквозняке, и оттого там прохладно и, когда нет пациентов, там любит спастись от жары компаньонка тётки по кабинету, тоже зубной врач, Н. Ф. Барт. Она присаживается то к одному, то к другому письменному столу, и часто я видел, как она лениво перебирала всякие листы, обмахивалась ими, как веером. Тётка выразила раз опасение, чтобы не помяла или перепутала бумаги. Русская беспечность проявлялась и за обеденным столом, когда приходивший к обеду дядя, считая себя в семейном кругу, рассказывал всё интересное, и часто Н. Ф. Барт, вступая в разговор, дознавалась многого.

Как, уже в эмиграции, рассказывал мне дядя, по просьбе Барт, в Управление был принят её дальний родственник, прапорщик, армянин, студент-технолог. На деле он был еврей, большевик и агент, добывший немало важных сведений. Умела Барт действовать на психику людей. В Управлении, например, разрабатывался проект «Второго Вердена» с блиндажами и проволочным ограждением на подходах к Ростову.

Хотя это её не касалось совершенно, она любила повторять:

— Куда «вам» бросать деньги, но не лучше ли было бы сначала почтить память Корнилова и поторопиться с возведением на Ферме памятника ему и всех запроектированных построек?

Подобного рода разговоры косвенно влияли на действия знакомцев Н. Ф., служащих в Управлении. При всём том она совсем не подходила всем своим видом к разряду женщин-шпионок. Полная, пожилая, некрасивая русская интеллигентная дама.

— Паршивая жидовка, — как о ней в дальнейшем отзывалась тётка.

Майор Олсоп

Для связи с английскими союзниками, с которыми Управление вело переговоры по снабжению армии инженерной частью, был создан постоянно действующий отдел. Членом этого отдела был делегат от англичан, шотландец, майор Олсоп. Этот человек был покорён русским радушием и стремительно стал «русеть». Победы белые, он вряд ли бы уехал из России. Неуклюжий, он постоянно стучался о мебель и спотыкался на пороге. Заучил, однако, глупенькую «встречу» его русских сослуживцев и, коверкая слова, пел тоже:

«На пороги иди так,
У ниво агромны шляк / шаг /,
Миссия, миссия,
инглийская миссия...».

Олсоп первый раскусил Н. Ф. Барт и, отведя в сторону одного из офицеров, предупредил его. Однако что понимает в русском языке Олсоп? И всё продолжалось по-старому, до самого конца.

Мой двоюродный брат бросил заниматься в гимназии и поступил на службу в английскую миссию к Олсопу. Он носил английскую форму и, будучи лингвистом, освоился совсем с английским языком. Вот откуда знал Олсоп о товарище Барт. Она же и внушила моему неискущённому брату коммунистические идеи, с которыми он не расставался до конца дней своих, будучи при этом на редкость добрым и отзывчивым человеком. Однако в Советский Союз он не решился поехать даже в качестве туриста, не желая разочаровываться в «верую» всей своей жизни. Товарищ Барт нанесла страшный удар семье моего дяди.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Время — подход белых войск к Орлу, канун рейда генерала Мамонтова²⁵. В городе приподнятое бодрое настроение. Рынки полны продуктами питания. Текстиля, обуви по-прежнему нет. Предметов лёгкой промышленности мало и приток их ожидают не раньше освобождения страны от большевиков. Кустари завалены работой. Их мастерские, часто одна рядом с другой, в самом центре города. Из открытых настежь дверей несётся стук, бой молотков, лязг железа. Армянские беженцы из Турции раскинули свои шатры в ограде армянской церкви и на глазах покупателя льют салные свечи. Немного позднее, разбредясь по городу, они будут продавать жареные каштаны. У кустарей вы купите чувяки²⁶, кинжалы и шашки, изделия из дерева, от детской игрушки до нужной вам мебели, у них же, как и раньше, залудите свой самовар, а стекольщики и так ходят по дорогам и криком предлагают вам свои услуги. А вот татары, что прежде навещали двory с шёлковыми платками, лентами, кружевами и войлочными кавказскими шляпами, полностью исчезли. По весне вам предлагали корзины с малиной и клубникой, а теперь с базаров вам пригонят воз с арбузами и уплатите за них деникинскими колокольчиками²⁷, но дешевле донскими рублями.

По Красной улице стоит пройти пешком. Широкие асфальтовые тротуары от Екатерининского сквера до Войскового собора не заставляют вас смотреть под ноги и на этом участке в 10–12 кварталов вы повстречаете массу военной молодёжи, фланирующей²⁸ и куда-то спешащей. Все в новеньком английском обмундировании, и почти совсем исчезли черкески²⁹. Погоны у всех главным образом «цветных» полков, марковцев и корниловцев. Несутся непрерывной цепочкой экипажи, и откуда-то прибавилось автомобилей. Дальше, за Войсковым собором, тротуары кирпичные, но тут вы обратите внимание только, с одной стороны, на витрины Освага, а с другой — на белым кафельным кирпичом выложенное здание, потом с обе-

их сторон пойдут ничем не примечательные одно- и двухэтажные обшарпанные дома с пустыми внизу витринами, но со старыми вывесками, с заманчивым перечнем товаров. Не доходя до Дмитриевской, на углу с левой стороны магазин, где всё больше и больше попадаются заграничные товары, главным образом напитки, и вывеска предлагает коньяки всех лучших марок. Из открытых дверей на улицу вырываются запахи копчёной снеди. Дальше лучше сесть в трамвай. Он вас быстро доставит до Казачьего памятника-обелиска³⁰. Здесь конец Красной, и вдоль бульвара вы едете уже по улице Шевченко. Но дальше городское кладбище и дорога идёт по полю, разделяясь на две линии, к новому Черноморскому вокзалу и Городскому парку. В нём пусто. Лучше побываем в Городском саду. Он на другом конце Красной улицы. Вблизи его Дворец атамана, Окружной суд, Крепостная площадь — старейшая часть города, военный городок.

Городской сад — чудеснейший зелёный остров — теперь уже зализал свои раны, разрушения большевиков. В нём почти прежний порядок и даже из оранжерей рассаживаются по клумбам-коврам цветы. Действуют спортивные площадки, Скетин-ринг³¹, электрическая карусель, восстановлены буфеты и рестораны, часто устраиваются симфонические концерты. По аллеям толпы гуляющих и среди них бескозырки и матроски чинов Морского флота. Но это уже не «краса и гордость», а скромные юные лица добровольцев.

Вечером вам не спится. Вы можете пойти в театр. В нём сейчас лучшие столичные силы. К вашим услугам великолепный кинематограф «Палас», но и в других фильмы и русские и заграничные из Константинополя. Ежедневно даются представления в первоклассном цирке. Наконец вы услышите музыку во всех больших ресторанах. Это тоже своеобразные подмостки для выступления столичных гостей. Работают и кабаре, и их много.

ТАНКИСТЫ

В Институтской домовой церкви, рядом с нашим домом, вижу молодых офицеров с танковым значком на погонах. После богослужения пошёл следом за одним из них. Офицер быстро шёл к Городскому саду, миновал его и вышел к железнодорожному полотну, за которым я увидел несколько танков. Рассказал о своём открытии за обеденным столом. Отец расхладил мое воображение. Он сказал, что танки никчемные, но на них всё же обучаются. Автомеханики привели моторы в исправность, но для боя танки пока не годятся. Исподволь, чтобы англичане не дознались, для этих именно танков готовится собственное вооружение, однако наше командование ещё не потеряло надежды получить от англичан годные к бою танки.

Спустя некоторое время для екатеринодарцев англичане устроили показ своих танков. Танки вползали на железнодорожную насыпь, круто,

почти на месте поворачивались, и ход их был вровень с хорошим бегом человека.

Не помню, чтобы когда-либо упоминалось о применении нашими частями танков в бою.

Читаю и таю от восторга: рейд Мамонтова. Ура! Скоро Москва и изгнаны отсюда Ленина-Троцкого. Ай, в городе какие-то патрули. Мы, школьники, проходим мимо них, косимся на них, недоумеваем. И чем дальше осень входит в свои права, тем неуютнее на чем-то взволнованных улицах, и патрулей не снимают. Особенно их много по утрам бывает.

С деньгами у нас дома скверно. Отец собрал книги для букиниста и послал меня за извозчиком. Только молчи, не говори, что для офицера.

А извозчика пришлось обмануть. Нашёл его на Графской улице далеко от нас, и возвращаться порожняком он не захотел, но ворчнул на меня.

— Утитать не будете? — спросил вдруг меня брат милосердия из госпиталя, обоснованного в особняке Гарбуза.

Госпиталей поразвелось теперь много. На улицах проносят на носилках больных сыпняком. И нашу гимназию снова отвели под госпиталь, но ненадолго. Пред Рождеством вернулись обратно, но зато в послеобеденные часы там идут занятия с учениками других школ. А мы, как до революции, в своём собственном помещении хозяйничаем. По утрам строимся в большой угловой зале. Регент хористам вилкой подаёт тон: ми-ре-до, и хор поёт четыре молитвы, после чего в порядке расходимся по классам. В них побелено и печи натоплены. Только и согреваюсь в гимназии. Дома не топят. А напротив в гарбузовском сарае штабели дров так и тают для отапливания госпиталя, а Дид тяпает и тяпает по-прежнему и всё растит новые штабеля. Им откуда-то достаются дрова. Для кухонной плиты отец купил по случаю партию гладких для саней полозьев. Мы их с братом распиливали на куски, и у самих сердце кровью обливалось.

Одно время у нас перевелись проезжие; теперь опять, но эти не чета прежним. Какие-то все унылые. Ходил и ходил к нам один товарищ прокурора. Очень видный из себя, высокий, крепкий; и вдруг пропал. Папа справился. Оказалось: застрелился из винтовки. Нашли его простреленным при помощи сооружённой им системы из шпагата от большого пальца ноги через металлическую спинку кровати к повешенной к лампе потолка винтовке.

Мальчишки-газетчики криком разносили:

— Повесили Кулабухова³²!

И снова город наполнился казачьими патрулями. Как узнать, кто этот Кулабухов и почему его повесили? Вместо пояснений от отца слышали:

— Поздно спохватились, не надо было брать с собой в поход Раду³³. Спасли самостийников и предателей на свою голову.

Однажды в холодную, зимнюю, бесснежную погоду повели все классы нашей гимназии по Екатерининской улице к вокзалу. Не доходя до цирка,

нас построили вдоль тротуара и приказали ждать. Кроме нашей гимназии пришли сюда и стали по обе стороны улицы все учебные заведения. Оказывается, ждали и встречали генерала Врангеля³⁴. Он был последним из славной стаи зачинателей борьбы за Россию. От него ждали чуда возрождения сопротивления, продолжения борьбы. Надеялись на его умение поладить с казаками и в дальнейшем повести войска уже без Деникина и его бесталанного штаба к новым успехам.

Но, как показали дальнейшие события, этот приезд ничего не изменил к лучшему.

Завлечённый прелестью пугачёвщины, ещё не прозревший русский народ «разил барство» не только в тесном сотрудничестве с Лениным, но, поверив его обещаниям, под прямым его водительством.

Немного более, чем через год, тамбовские «пугачёвцы»³⁵ сообразят, с кем были в союзе, и под водительством Антонова пойдут на смертный бой с большевиками. Заволнуется крестьянство по всей России, и нэп спасёт положение, большевики новым обманом сохранят для себя власть.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Слышал за нашим уже только семейным столом отрывочные высказывания отца.

— Придётся вам поехать за границу, куда повезут, а мне снова с винтовкой отступать к морю, а там видно будет.

Отец неоднократно возвращался к такому решению.

— Год, а то и два поживёте в другой стране, а там и обратно в Россию.

За границу? — Казалось сказкой. И сама «заграница» казалась сказочной, совсем не похожей на нашу горемычную Россию. И даже захотелось попасть туда и посмотреть, что за жизнь там, какие люди, дома, дороги?

ОТЪЕЗД

День отъезда пришёл неожиданно.

В субботу я ещё был в гимназии, а в воскресенье отец и бабушка провожали нас на вокзале. Отец снова одел свои «фронтовые» погоны поручика, сняв «тыловые» полковничьи военного юриста и на другой день должен был отступать с отрядом, а бабушка не пожелала уезжать из России.

— Старухе ничего не сделают.

В кармане у меня свидетельство о том, что я являюсь учеником I класса 2-й Екатеринодарской мужской гимназии. Подписал бумажку сам директор Я. Семенцов. Со мной моя любимая книга, большой однотомник Лермонтова издания М. О. Вольфа.

Дома бросили всё и в теплушку погрузили сундук с постельным бельём и все 12 томов Достоевского издания Маркса. Захватила мама и ценности: серебряную сахарницу и такой же подстаканник отца. Он и поныне со мной. В субботу же ездили с мамой куда-то очень далеко и у казака купили несколько кругов копчёной колбасы. Мы её ещё и на Лемносе поедали как лакомство.

Нам удалось попасть в поезд только благодаря Олсону. Через несколько дней, тоже благодаря Олсону, нас приняли на палубу парохода в Новороссийске.

В день нашего отъезда улицы Екатеринодара казались вымершими. Серая погода придавала городу ещё более безнадежный вид. Неужели, думалось мне, могут сейчас тут в городе быть ликующие люди? Это, конечно, большевики. Сколько их? И разве это люди? Опять завоюют собаки и в Кубань будут сбрасывать убитых, как в Таганроге, в море. Где теперь Дидя, Кадя? Живы ли?

Весь поезд состоял из красных товарных вагонов. Сколько мне пришлось перевидать таких поездов летом 1915 года!

Они шли непрерывно на запад. Солдаты сидели и стояли у дверей. Они пели и махали приветственно руками и, наверно, подаренными при разлуке платками. Из многих дверей доносилась гармонь. Из окон иногда выглядывали лошадиные морды. Двери всех вагонов по диагонали были выкрашены в белые полосы, образуя как бы Андреевский крест, и всюду стояла надпись: 8 лошадей и 40 человек. Такие же поезда шли обратно, битком набитые австрийскими пленными, редко немецкими. На Полесском вокзале, куда нас бонна привела погулять, я плюнул в сторону австрийцев. Наш солдат укоризненно посмотрел на меня и сказал:

— Нехорошо, барчук, они ведь не своей волей с нами дерутся.

Мне стало совестно, а слова солдата запомнил в точности, как они были произнесены.

Влез в вагон, сел на наш сундук, не выпуская заветной книги из рук, и на миг себя вообразил солдатом, а отца, стоящего внизу у дверей вагона, — командиром. Но тут же рядом с ним стоял в английской форме Олсоп, дальше — дядя. У дверей остановились мама и тётя, в вагоне надрывно заливался младенец, и воображение мигом испарилось. Не помню, долго ли мы стояли у перрона. В вагоны всё лезли и лезли люди, и вдруг без звонков и свистков поплыло мимо нас станционное здание. А папа, совсем не по-военному, сняв фуражку с головы, махал нам ею. Вид его был обыденно-спокойный, будто провожал нас ненадолго.

Поезд проходит мимо Городского сада, Крепостной площади со Старым собором и длинными старыми крепостными постройками, где теперь военный музей и военная больница. А вот и поле, на котором минувшим летом англичане демонстрировали свои танки. Прошли переплёт железно-

го моста через Кубань, и поезд остановился вблизи той рощицы, по которой казак с казачкой стреляли из пулемёта в тот радостный, но, увы, обманувший наши надежды день, когда красных выгнали из Екатеринодара. Тут же недалеко совсем ещё недавно снимали Шкуро.

Кто-то шёл вдоль полотна. Сзывали мужчин по дрова для паровозной топки. Из нашего вагона вышел один. Кажется, именно только он один и снабжал дровами паровоз. Без топора он умудрялся, раскачивая и повисая на ветвях деревьев, обрывать их, а затем ломать ногами, прыгая и топчась их. За его силу и ловкость прозвали его Мацистом (итальянский киностар того времени. — Ю. В.), прославившимся в картине из жизни древнего Рима — «Кабирия»³⁶.

«Мацист» возвратился в вагон и оповестил, что сейчас поедем, и действительно тронулись. Рядом с поездом бежала грязно-белая небольшая собака. Бежала она ещё и на следующий день, а на третий день пути поезд уже полз без неё.

Стемнело, и дверь совсем закрыли. На горбатом сундуке лежать было совсем неудобно, и я сидел и всматривался в темноту. Под полом как-то по-особенному стучали колёса на стыках рельс. Подъехали к какой-то станции. Рядом тарахтел мотор. Долго стояли. Мотор раздражал меня, напоминая, что мы не двигаемся. Наконец паровоз дёрнул состав, мимо поплыли белёсые пятна света и поезд даже как-то весело побежал. И снова стал, пересчитав лязгом буферов все вагоны. В темноте нарастал гул, и мимо пронёсся какой-то тяжёлый состав. Снова поехали, и до слуха вдруг снова донеслось знакомое тарахтение, и мы снова стали около него. Это длилось часами; мы стояли. Опять пронёсся какой-то поезд. Сон бежал от меня, а ночь казалась мне каким-то тёмным бесформенным чудовищем. Чуть стало светать, я откатил немного дверь и выскользнул наружу. Пошёл к паровозу, а его и не было. Около первого вагона стояли черномазые стражники и тихо между собой переговаривались на непонятном мне языке. К ним подошли и ещё другие и тоже с удивлением смотрят. Один из стражников объяснил с грузинским акцентом:

— Нэт паравоз. Убыжал паравоз. Другой паравоз будэт.

Рядом длинное низкое здание вокзала, большие квадратные в мелкое стекло окна-витрины ресторана, приоткрыл дверь, чтобы войти туда, и сразу отпрянул. Показалось мне, там нет воздуха, чтобы дышать. Только у дверей и вглубь к стойке узенькая дорожка между вповалку лежащими на полу людьми. Вернулся в вагон. Все мои спали ещё, и я крепко заснул, а когда проснулся, было уже за полдень, а мы всё ещё стояли, и всё тот же мотор тарахтел. Мелькнуло в голове: и большевики сюда придут, а мотор всё одно тарахтеть будет.

Вдруг закричали грузины с разных сторон:

— Садыс! Садыс!

И все, кто был снаружи, полезли в вагоны. Паровоз действительно прицепили, он свистнул, задёргал вагонами, и мы тронулись, и всё мне казалось, что вот-вот опять надолго остановимся и опять мимо нас будут проскакивать счастливики на счастливых поездах.

Так ехали мы с многочисленными остановками трое почти суток и ночью остановились окончательно в Новороссийске-Товарная. На всех путях стояли такие же, как и наш поезд, составы с беженцами.

Над головой раскинулось чёрное бархатное небо с миллионами ярких звёзд, а млечный путь действительно напоминал собою о пролитом молоке; такое небо я видел впервые в жизни, и сколько бы потом ни сравнивал небеса в чистую прозрачную ночную пору, они, казалось мне, никогда не достигали виденного мною в Новороссийске. Это последнее для меня русское небо осталось со мной навсегда.

Благодаря Олсопу через несколько дней мы очутились на палубе транспортного судна «Браунфельс» и, если не ошибаюсь, вечером 6 марта 1920 года отчалили от пристани цементного завода в Новороссийске.

Махали оставшимся. Плакали по России. Ещё на завтра в свежую погоду справа по борту раскачивалась сизая гора. Крым. Последняя русская земля.

ЛЕМНОС

По выходе «Браунфельса» из Новороссийска была получена радиogramма о надвигающемся шторме. Грузовой транспорт «Браунфельс» в трюмах своих был нагружен до отказа только людьми с их мелким ручным багажом. Поэтому налетевший шквал бросал пароход, как щепку. Наш одиннадцатый трюм помещался на левой половине кормы и при боковой качке описывал добрую амплитуду. В этом же трюме за перегородкой из одеял плыло на родину человек 10 английских солдат. На их стороне вдоль стены были сложены ящики с галетами. Поднявшаяся качка сдвинула ящики и свалила на англичан верхние ряды. Оттуда нёсся дикий гогот солдат, треск от падения разламывающихся при этом ящиков, и неизвестно, насколько было вынужденное их «отступление», но англичане очутились на нашей стороне, среди женщин и детей: в нашем трюме не было мужчин. Тут среди качки и общего смятения они обосновались, как хозяева положения, расчистили для себя место под одинокой лампочкой и, окутавшись дымом сигарет, стали играть в карты. При особенно сильном взмахе нашей кормы над волнами они орали, не разберёшь — от восторга или чтобы заглушить страх. Рядом со мной на каком-то возвышении ехали мать с грудным младенцем и бабушка. Старуха совсем обмякла с перепугу и свалилась на меня

и так придавила, что я и шевельнуться не мог. Хорошо, что моя мама вовремя увидела и оттянула её с меня.

Утром англичане совершали свой туалет. У каждого было по ведру с водой. Они стянули с себя рубашки и обильно намылились до пояса, начиная от лба и носа. Затем смахнули пену мыльной водой из ведра, пустили из рта несколько фонтанов и насухо вытерлись полотенцем.

— Привет тебе, Запад!

Утром долго пробирался к выходу из трюма на палубу. Уборные были сколочены из досок, по четыре на каждом борту. На палубе никого. Все, как и у нас в трюме, наверное, лежат. Качка не ослабевала. Справа на борту раскачивалась островерхая гора. У правого борта стояли полевые кухни и в котлах кипела вода и, казалось, по ней тоже бегут волны. Держась за что попало, к кухням подходили люди с посудой и получали кипяток.

Как внезапно началась качка, также и прекратилась она внезапно. Кажется, это было к утру следующего дня. «Браунфельс» оставил за собой разъярённое Чёрное море и вошёл в Босфор. Показалось, плывём как по маслу. Беженцы высыпали на палубу. Оба зелёных берега живописны. Они не высоки, правый берег застроен дачами, и пока мы плыли, рядом с нами по берегу бежал и обгонял нас коричневый шикарный поезд. Дачи пошли гуще, потянулись с перерывами дома, и ещё немного — они заполнили собой весь берег, и среди них выделяется громада Айя-Софии³⁷.

Тут «Браунфельс» вдруг перестал содрогаться и плавно, всё замедляя ход от нажима воды, как будто бы и приостановился. Вдруг всё в нём задрожало, вода с шумом побежала к носу от кормы, загрохотала цепь, и мы стали на якорь. Перед нами совсем близко стоял на якоре «Анатолий Молчанов», большое русское транспортное судно, ушедшее из Новороссийска с беженцами за день до нас. Вмиг весь наш пароход был облеплен ящиками, гружёными апельсинами, коробками сардинок, белыми булками, халвой и шоколадом. Торговля шла бойко. Снизу по верёвке подавались круглые корзиночки с продуктами, сверху в них же посылались деньги. Торговцы в фесках легко, кажется, объяснялись на всех языках, но главное — рублями не брезговали, охотно их принимали наряду с франками, фунтами и драхмами. Сдачу давали в любой валюте.

Вместе с апельсинами и шоколадом поползли на палубу записки и письма с «Анатолия Молчанова» и из Константинополя. «Браунфельс» наполнился слухами. Везут нас на Принцевы острова, нет, на Халки, нет, не Хиос³⁸. А впрочем для всех это было пустым звуком; никто не знал, что это такое, какова разница между ними! Тем не менее стали докучать распросами капитану. Напыщенный англичанин совсем надулся и стал поворачивать спину всем, кто направлялся к нему с переводчицей Верой Грет, а то и с Канабих.

Вера Грет долго прощалась на пристани с англичанином женихом. Тогда и догадались, что она говорит по-английски, а Канабих стала сразу сенсацией на пароходе. Все персты её были до отказа украшены кольцами, шея — ожерельями, кружевная кофточка — камнями и брошками, а ноги босые. Везла она с собой наследника всех этих богатств, двухлетнего сына. Она не пошла в трюм, а устроила некое подобие шалаша на палубе среди лебёдок.

Никакая и ничья «интервенция» не сдвинула её оттуда, а чтобы сын не шатался по палубе, она его крепко привязала за петлю иллюминатора и нещадно его поколачивала за непослушание, плач и за младенческие проступки. Русским она заявила, что сына своего, ниспосланного ей в девичестве, она не станет воспитывать мягкотелым баричем, а в спартанском духе, а англичанам она шибко сыпала по-английски, в десятеро больше, чем они ей что-то своё говорили, и они ни с чем отступили и больше не трогали её. Капитану она что-то такое отколола, что он весь красный отпрянул и не пожелал её принять, когда она пришла как переводчица.

Пароход стоял и стоял. Мимо проносились медузы со скоростью течения, сновали ялики, бороздили Босфор гружённые до отказа людьми рейсовые катера. Художник в синем берете, бритый, розовощекий, уселся с мольбертом на палубе и очень медленно, как бы с расчётом на многие дни, стал писать Айя-Софию.

Кажется, на третий день стоянки в Босфоре ранним утром ушли в море. Я прозевал Мраморное море, а говорят, оно утром особенно красиво, как перламутровое. Проснулся, когда плыли в Дарданеллах. Торчали из воды мачты потопленных кораблей, говорили — английских. Наконец вышли в Эгейское море. Цвет воды зеленоватый. Кто-то предположил — из-за множества островов в нём.

Под конец дня подошли к гористому острову, вошли в круглую бухту, замыкаемую небольшим островком с маяком на нём, и бросили якорь. Лемнос.

Голые без единого дерева берега в это время года зелёные, с белыми пятнами пасущихся овец. Далеко в глубине бухты очертания города с собором посередине. Узнали сразу и название города — Мудрос, а собор построен чуть ли не самим апостолом Павлом, который пребывал на Лемносе, проповедуя Слово Божие.

Впоследствии сюда приезжал наш митрополит Анатолий³⁹, и местный грек-епископ встречал его торжественно, но с сигарой во рту.

А где же палатки, в которых нам предстоит жить?

Их нигде не видно, и пройдут недели три-четыре, пока не появятся первые из них.

Пришла католическая пасха. Серый хмурый день. От нашего парохода отчалила баржа с очередными больными. Знакомая ещё по Екатеринода-

ру девочка уехала тоже и больше никогда не вернулась. Говорят, последняя вспышка «испанки»⁴⁰. По барашкам на буксире тянут большую баржу. На ней духовой оркестр с английского крейсера «Дублин», стационарирующего в Мудросской гавани. Музыканты стараются нас развеселить, но это ведь наш праздник, и мы безучастны. На днях возле нас бросил якорь нарядный пароход под английским флагом «Рио-Негро». Он пришёл почти порожняком, привезя только служащих Владикавказской железной дороги.

Решено часть беженцев списать на него из-за перегруженности людьми «Браунфельса». Под ударом оказались все из нашего одиннадцатого трюма. Вскоре мы попали на корабль весьма чистый и просторный, где для каждого беженца имелись гамак и место за столом. Ежедневно капитан парохода обходил всё помещение и проверял порядок. Внешне всё было блистательно. Тем не менее память сохранила отрывок из «Журавля»⁴¹:

Как на острове Лемносе,
В тихой гавани Мудросе,
«Рио-Негро» там стоит,
Пассажирами кишит.

Есть там дамы и девицы,
Все болтливые, как птицы,
А на палубе кошмары,
Что ни угол, так и пары.

Позабыли дамы стыд
И флиртуют во всю прыть,
С офицерами и докторами,
С машинистом, поварами,

И у вахтенных под носом,
Даже с чёрным негритосом,
Только слышишь «Ай лав Ю»
И в ответ «И я люблю»...

Капитану перевели, и он разгневался и пообещал составителя памфлета списать с «Рио-Негро» на работы на берегу. Виновника так и не нашли.

В страстную неделю из Константинополя прибыл для богослужений протоиерей Востоков⁴². Он совершил общую исповедь. Никогда не забуду его восклицаний «Кайтесь!» после соответствующего слова.

Каждый день две шлюпки отчаливали на вёслах к маленькому островку, прозванному нами «бараньим островом». На нём паслось баранье стадо. Весь остров можно легко пройти вдоль и поперёк в полчаса, даже в обще-

стве матрон. Приятно было размяться, а главное — надоело топтать палубу, и по такому даже клочку земли ноги сами собой несли. Спасибо капитану и на этом.

Вскоре стали вырастать палаточные городки. Сначала разгружали «Браунфельс»; наше «Рио-Негро» как наиболее благополучное по комфорту — под самый конец, после даже позднее пришедшего «Владимира» с ранеными из Крыма.

Попали мы в 5-й «А» и «Б» лагерь, а были ещё 6-й и Владимирский.

При каждом лагере со временем соорудили кухонный навес, под которым стояли полевые кухни. Готовила на наш лагерь Канабих. Она сама ничего лагерного не ела, так как была вегетарианка, но тем не менее готовила отлично. Её сына в лагере прозвали «крылатым Робинзоном». Мать сшила ему крылышки, чтобы защитить плечики от солнца. Больше на нём ничего не было, и таким он носился по всему лагерю. Канабих вкушала помидоры, когда они поспели, а сына подкармливал Русский Красный Крест, устроивший для всех детей питательный пункт. Однажды повстречался мне «Робинзон» при странном занятии. В рисовую кашу Красного Креста он высыпал дорожную пыль. Объяснил, так будет больше. Мальчонок явно голодал.

Во многих местах стояли кубической формы тачки с водой, и при них надпись старательно и повсеместно выписана русскими буквами: «Вода не для питья» либо «Вода для питья». Питьевую воду держали в греческих глиняных кувшинах, замотанных в мокрую тряпку. Вода в кувшине становилась холоднее.

Самыми лучшими постройками были уборные. Даже в жару в них было прохладно. Это были очень большие чистые бараки, стены которых не доходили до потолка и бетонного пола, благодаря чему беспрестанно циркулировал воздух, а близкое море доставляло его свежим и в изобилии.

Через все лагерь проходил «Невский проспект». Тут попадались большие маркизы, в которых устроены были магазины готового платья и белья, закусовые, в палатках обыкновенных — книжные лавки, отстроены были и деревянные помещения, два-три из них рестораны с концертными выступлениями и один для театральных представлений. Англичане очень добротнo выстроили кинематограф под открытым небом, но, увы, несколько малометражных картин без всякой смены шли всё время пребывания беженцев на острове.

Комендантом лагеря был англичанин майор Кокс. Его помощник — майор Фокс (а может быть, наоборот. — Ю. В.). Русским комендантом был генерал Папенгут⁴³. Жену его прозвали «Маменшлехт».

На острове высадился кадетский корпус целым составом, и для него был отведён отдельный лагерь. Парад и гимнастические упражнения кадет произвели огромное впечатление на англичан. Особенно аплодиро-

вали кадетам матросы с «Дублина». Была большая скаутская организация. Отрядом скаутов командовал «Багира», скаут-мастер Евреинов⁴⁴. Кадеты запускали камнями в скаутов, считая их членами масонской организации. Когда скаутские патрули состязались на первенство, все палаточные «домохозяйки» должны были чувствовать себя именинницами. Скауты всё выскрёбывали, вымывали и вычищали им.

Как ни протекала жизнь, она была временной, и умы, и сердца всех обращены были к России. Когда Врангель перешёл в наступление, при стечении всего лагерного населения были отслужены молебны.

Утрата веры в скорое освобождение России от большевиков привела к самоубийству. На «Дальнем» пляже покончил с собой юный офицер-марковец. Искупавшись в море и одев на себя всё чистое, как перед серьёзным боем, в новой парадной форме Марковского полка он застрелился. Печально было видеть чёрно-сизый подтёк от виска на всю щёку самоубийцы. Случайная толпа молча провожала носилки до лазаретной повозки.

* * *

Плохо или хорошо, с ошибками большими или малыми, белые, не щадя жизни, сражались за Россию. В далёком Париже Милюков⁴⁵ поливал их помоями.

Бежит по лагерю мальчик. В руках кипа газет. Кричит:

— «Последние новости»!

Навстречу двое из Владимирского лагеря. Подзывают мальчика. Тот доволен. Клиенты.

— Дай все газеты, — говорят.

Мальчик счастлив. Владимирцы заплатили и тут же разорвали газеты в клочки.

— Чего удивляешься? Продаёшь, думаешь, «Последние новости»? А на самом деле последние подлости. Понял? Хочешь быть подлецом ты тоже?

— Нет.

— Тогда не продавай милюковскую газету.

* * *

Владимирцы часто пьют.

Они меняют выданные англичанами пижамы на вино. Раз как-то рано утром возвращались двое владимирцев из деревни Партьянос к себе в лагерь. По пути забрели в 5-й «В». На них только шинели, короткие, артиллерийского образца, с длинным разрезом сзади. И видно было, нет белья. Одели их.

Пьют, чтобы забыться: полковые товарищи полегли, семья под большевиками, раны залечены. Что впереди?

* * *

Греки-островитяне приветливый народ. Если пойти из лагеря в их деревни, все, кто вас встретят на дороге ли в поле, обязательно поздороваются. Утром — «Калинера», вечером — «Калиспера».

В деревнях чисто. Каменные дома хорошо построены, полы деревянные, покрашенные, но такие чистые, хоть хлеб меси. В деревнях растут деревья, а площади тенистые, с обязательным колодцем посередине и несколькими кофейнями и винными заведениями. По вечерам греки рассаживаются за столиками и очень мирно беседуют, попивая кто кофе, кто вино. У них всегда с собой особой формы ножи и чеснок. Укус змеи и сколопендры они надрезают, выдавливают и покрывают жвачкой чеснока.

Красивы их ветряные мельницы. Наши — с четырьмя крыльями, а греческие — с восьмью и шестнадцатью.

Небольших осьминогов на мелком месте хватают руками, что-то перекусывают, выплёвывая чёрное, прячут в сумку, а затем, набрав несколько штук, бьют их с остервенением о скалы.

* * *

Подошёл ко мне старый разноглазый турок и по-русски спросил меня: — Любите ли вы турок? Кого больше, их или греков?

Я сказал, что турки с нами воевали, они наши враги, и мы их поэтому не любим, а греки хорошие. Турок ответил, что греки очень плохой народ, а турки любят русских.

* * *

На Лемносе в одном из лагерей была гимназия. Только я пришёл в свой класс, меня немедленно вызвал учитель математики и, как показалось мне, просто стал издеваться надо мной. Больше туда ни ногой.

И в самом деле лето и климат, постоянное купанье в море, всегда свежий воздух поправили моё здоровье настолько, что с тех пор и по сей день я не знал никаких заболеваний. А в Екатеринодаре три раза болел воспалением лёгких.

* * *

Настал и лету конец. По небу побежали низкие облака.

Полили беспрерывные дожди и изо дня на день крепчал ветер. Земля налилась водой и больше не держала колышки палаток. Запасливые люди обзавелись верёвками и верх палатки привязали к большому колышку с наветренной стороны. Так кое-как держались лагерь несколько дней. Стало холодно и неудобно. Канабих напялила на ноги чёрные шерстяные гетры, но осталась босой, «крылатый Робинзон» оделся, как и все дети, но бегал босиком. Теперь Канабих была не одна, к её спартанскому движению примкнул новый последователь — господин средних лет, довольно щедушный на вид и совсем не видный собой. Он постоянно носился с Канабих, как её тень, но в одном отношении опередил всё-таки свою учительницу. Гетры не носил и брюки подрезал до колен. У Канабих юбка была длинная, как у всех. Они ходили под руку и в ногу. Между палец получилась грязь. Но зато привлекательными были пальцы её рук, как всегда полные колец. А у «него» появилось одно кольцо перед самым их отъездом в Австралию. Это произошло для всех неожиданно и недели за две, три до общего отъезда и до бури, унесшей в море палатки. Увы, в дальнейшем поступили слухи, что бедный маленький спартанец не выдержал материнского метода воспитания и умер по прибытии в Австралию.

С приближением зимы нудному прозябанию на Лемносе явно подходил конец. Погода ломала всё, созданное человеком, выставляла новые требования, но англичане ничего не предпринимали.

Наконец ветер стал всё настойчивее сносить палатки и однажды ночью яростно обрушился на лагерь вместе с холодным проливным дождём. Земля обратилась в кисель, и никакие колышки в этом киселе не держались.

— Уф! И как это мне нехорошо..! — просовывая в палаточное отверстие-дверь мокрую ногу в сандалии, произнёс по-еврейски и нараспев общий всех знакомец и любимец «хохол», как себя он рекомендовал при знакомстве, Андрей Васильевич Выценко, художник исключительной энергии и большого дарования.

Войдя к нам в палатку, он успел обеими руками ухватить столб палатки в тот момент, когда все колышки враз выскользнули из земли и палатку бы снёс ветер. Теперь она мокрым полотном лежала на кроватях и вещах, а Андрей Васильевич полужёжа, как и мы, забавно коверкая под еврейчика русскую речь, рассказал что его маркизу с выставленными картинами унесло в море.

— Как же быть теперь? — спросила его мать.

— Ну, это самое я хочу спросить Кокса-Фокса, — всё также дурачась, пропел Андрей Васильевич.

И действительно, и Кокс, и Фокс прислали сержанта с солдатами, изловили плавающие картины и высушенные доставили их художнику. В своё время художник написал портреты обоих комендантов, за что и получил для постоянной выставки маркизу и особое благоволение. А впрочем все к нему благоволили из-за его отзывчивости, доброжелательного отношения, весёлого характера, общей широты натуры русского человека. В дальнейшем в Югославии он специализировался в росписях храмов. Тито⁴⁶ его выслал из страны, и уже в очень преклонном возрасте он продолжал работать кистью. Восьмидесятилетним старцем работал на лесах, расписывая купол Кливлендского собора. Часть храма в Толстовском Фонде⁴⁷ также им расписана. Сохранялись у него альбомы и картины Лемноской жизни. Весь этот художественный архив после его кончины остался в Украинском доме, где он под конец проживал в одиночестве.

Дождь лил, не переставая. Кое-как собрали под мокрым полотнищем пожитки, и днём около 12 часов доставили нас англичане в полупустые теперь больничные бараки, разместив всех нас с настоящим комфортом. Широкие удобные больничные кровати получили даже самые маленькие дети.

Для этого выздоравливающих раненых потеснили, переводя их в отдельные палаты. Вечером безногие и на костылях юноши устраивали бега-соревнования в проходах между кроватями. Смотреть на это было невесело. Другие усаживались в углу палаты и замечательно пели. Английские сёстры плакали.

В госпитале прожили всего несколько дней. Пришёл однотрубный маленький «Владимир» и повёз нас в Королевство С.Х.С.⁴⁸

Я стоял на корме, за которой трепыхался русский флаг. Знакомый берег с размётанными ветром лагерями удалялся. Справа за бортом небольшой «Бараний остров». Никакого сожаления, а впрочем жаль того самоубийцу и ту знакомую по Екатеринодару девочку, что навсегда остались в этом печальном краю.

«Прощай, Лемнос,
Вот тебе мой длинный нос»!

Старик рядом услышал моё послание. Хихикнул.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ ВАХТЕЛЬ

Не так давно на страницах русской зарубежной печати появились статьи о русской интеллигенции. При ознакомлении с этими статьями остаётся впечатление, что русский интеллигент прежде всего в той или иной мере «оппозиционер» всего официального и того государственного, что

составляло ткань Царской России. Это утверждение отвергает всё строительство страны в руки людей второго сорта.

Вспоминая отца, я никак не могу отнести его к этому разряду людей. На всех, решительно всех диспутах, в которых отец принимал участие, а я невольным был свидетелем, умолкали всякие споры и исчезали как дым расхождения во взглядах после того, как отец брал слово и высказывался. А мать мне вскользь говорила, что когда отец выступал в суде, весь город сбегался его послушать.

— Что такое интеллигенция? — спросил я однажды отца.

— Это, братец мой, ты будешь и сам знать, когда положишь в карман аттестат зрелости. Тогда ты зрело сможешь судить о всех вещах и явлениях и руководствоваться ими в своих поступках. И профессию себе изберешь безошибочно и даже только так, наилучшим образом сможешь создать собственную семью. Ты сможешь тогда взвесить все «про и контра», так как с аттестатом зрелости с твоих глаз спадёт повязка невежества. Но всего этого ещё не достаточно, чтобы быть интеллигентным человеком: никакая низость не должна тебя коснуться, ничто не должно возмущать твоей совести.

Думаю, что отец дышал единым духом со всеми теми, кто в той или иной мере строил Россию, а по-видимому, и не выделялся в среде своих сослуживцев, находя в их обществе, в делах и на досуге созвучное себе. По мнению современных умников, отец и его друзья были интеллигентными людьми, но мне именно кажется, что так утверждать могут только те, кто не смог положить в карман такой аттестат зрелости, о котором шла речь выше. Их точка зрения не обладает свободой от внушённой им партийности, с голосом совести они не считаются, да и голос этот у многих заглох и посему в русские интеллигенты они зачисляются только людей в партийных шорах, начиная от Новикова⁴⁹ и декабристов до нынешних полуинтеллигентов-большевиков, которые уже своим бытием приостановили всяческое развитие культуры на уровне века Маркса и Энгельса. Для примера, взять хотя бы их утверждение «научности» атеизма, подтверждаемое якобы изучением современной биологией жизненного процесса, с самых его истоков. Будто верующие представляют себе Творца с палочкой доброй феи!

Заканчивая общую характеристику взглядов отца, укажу ещё, что он был большим поклонником Достоевского, ценил Лескова, но определённо не любил Толстого, болезненное тщеславие которого не переносил и «назови»-философию полностью отрицал, как производное того же тщеславия, незнания человеческой природы, при таланте внушения ложных о ней представлений, что иногда равносильно подстрекательству. Непротивление злу силой в душах многих потенциальных борцов с большевизмом привело к краху белых, понесших поражение прежде всего из-за своей

малочисленности. Для разложения духа русских Толстой сделал больше, чем жалкий писака Чернышевский, чем «Колокол» Герцена, чем Салтыков-Щедрин, Писарев и Добролюбов и все «нытики» Чехова. Платон Каратаев даже и не снился русскому простолюдину, а если б, паче чаяния и был бы, то где-нибудь давно монашествовал бы, говорил отец, но в этом-то и есть сила художника Толстого. Он создал тип как бы в действительности существовавший. И вот в глазах незнающих людей эталон. Куда же провалился в гражданскую войну Каратаев? О нём было ни слуху ни духу. А ведь миллионы верили в него. Над Толстовской характеристикой Кутузова, Наполеона отец посмеивался, а «Воскресение» всегда сдержанного и спокойного отца просто выводило из равновесия. Там, говорил он, всё что угодно, но не русский пореформенный суд. Хотя бы поручил Толстой периодически обработать «Дело» Катюши Масловой какому-нибудь зауряд-юристу. Всё было бы лучше, правдоподобнее. Но, к сожалению, уж слишком вообразил он себя Олимпийским богом. Вся беда в том, что теперь-то мы ещё знаем и понимаем всю бессмыслицу, но пройдут года, и никого из нас в живых не останется, а художественно написанная клевета станет свидетельством былого, чего и быть никогда не могло.

Не так поступал Достоевский. Главы, описывающие судебный процесс над Митей Карамазовым, написаны им в самом тесном сотрудничестве с выбранными им юристами и потому вполне реальны. Также было и с «Преступлением и наказанием».

* * *

Отец хорошо знал людей. По окончании Новороссийского университета он проделал большую практику судебного следователя в разных частях России: в Минской губернии, в Новогрудке и Барановичах, в Усть-Медведицкой станице, в Ставрополе-Кавказском и товарищем прокурора в Екатеринодаре.

Трудоспособности и экспедитивности он был изумительной, как отзывались о нём. Ко всему этому по натуре очень общительным и весёлым, метким в словах и остроумным. В гостях считали его душой общества. В ударе умел рассмешить комическим плясом Кек-Уок, с закинутой шляпой на затылок, оттопыренными конечностями, отвислой нижней губой и тростью под мышкой. Как, смеялся он, из-за болезни сердца стал он товарищем прокурора вместо манящих его подмостков эстрадного комика. Мне кажется, и там был бы на виду у всех, быть может, и с всероссийской известностью. Впрочем, вряд ли бы он стал строить свою карьеру на подмостках. Он был очень сведущим в своём деле, талантливый оратор, прекрасный

психолог. Самые сложные запутанные «дела» он быстро распутывал и зачастую прямо ошеломлял преступника, рассказывая ему, как и почему он так действовал?

Знание психологии толпы помогло ему избежать расправы. Возвращаясь с командировки, в самом начале захвата власти большевиками на станции Тихорецкая он очутился в числе других пассажиров в озлобленной против «буржуев» солдатской толпе. Пассажиры смирёхонько сидели, опустив головы, на скамейках зала ожидания, а солдаты-дезертиры, всё настойчивее и всё более распаляясь, приставали к ним. Всё, без сомнения, закончилось бы самосудом и страсти тогда бы улеглись. Особенно старался и возбуждал толпу дезертиров солдат, по всем признакам уроженец одного из местечек вроде Барановичей. Надо было немедленно действовать. План действия напросился сам собой: вожака выставить в смешном виде.

В своё время отец учился в Одессе в Ришельевской гимназии. Подавляющее число учеников в ней были евреи. В Новороссийском университете на юридическом факультете та же картина; служба отца в качестве судебного следователя в Минской губернии и, наконец, артистическая способность отца к подражанию разговорной русской речи, произнесённой евреем, знание им множества еврейских анекдотов — всё это сразу в корне изменило настроение толпы. В зале стоял сплошной хохот, сменяемый наступившей тишиной, когда отец снова извлекал из памяти подходящий анекдот и преподносил его от лица то рыжего, то чернявого, то криворотого, то подслеповатого еврея, меняя при этом тембр голоса и соответственным образом кривя лицом.

А начал очень просто. Подошёл к еврею-солдату и спросил его, нарочито акцентируя: «И ви тоже из наших? И зачем такой гевалт?»

Вскоре подошёл поезд, и солдаты чуть ли ни на руках вынесли отца, да ещё его устроили в купе, расчистив для него место. Конечно, когда поезд тронулся, отец вернул обиженному его место.

Быть может, этот случай на станции Тихорецкой досконально пояснил отцу о стихийности надвигавшегося бунта, грозящего уничтожением России. Поэтому он вскоре поступил в партизанский отряд полковника Лесивицкого. Несколько месяцев шла борьба с армией Сорокина. В этой борьбе выдвинулся капитан Покровский, отважный лётчик Первой мировой войны и Георгиевский кавалер. За боевые заслуги Покровский последовательно был произведён Кубанским правительством и Радой в чин полковника и генерал-майора, и под его командой Кубанский партизанский отряд в феврале 1918-го года, под давлением во много раз превосходящих сил противника, ушёл в неизвестность из Екатеринодара. Поход совершался в полном окружении сорокинцами и в постоянных боях. С утра завязываемый авангардный бой переходил в общую схватку отряда и заканчивал-

ся к ночи стрельбой в арьергарде. Тылом считался обоз, в котором ехала Кубанская Рада; тут же находились и атаман Филимонов с женой, и Кубанское правительство. Здоровая часть обоза образовывала последний резерв отряда, но этот резерв приходилось ежедневно применять в деле. Так шли с боями, растаивая в них, но и пополняясь в станицах, пока не дошли до реки Лабы. Здесь казаки уже почувствовали советскую власть в большей мере, чем в других местах края. Иногородние примкнули к большевикам и сводили счёты с «богатеями»-казаками и чеченцами. Отряд сильно пополнился казаками, а чеченцы выставили конный полк. Тут же произошло слияние Кубанского отряда с корниловцами. Но следом за нами, рассказывал отец, двигались главные силы Сорокина, а перед нами укреплённая большевиками Новодмитриевская станица. Утром следующего дня генерал Марков повёл нас брать станицу. Лил дождь, перешедший в снегопад. Мы все совершенно промокли и под ветром обледенели и так стали спускаться по мокроте к реке. На ней плыл лёд вперемешку со снегом. Нашупали мост, который затопило водой. Поэтому по двое садились на лошадь и переправлялись на ту сторону. Продолжавшаяся метель прятала нас от красных. Кто-то осмелел и зажёл костёр. Стали греться и обнаружили себя. Красные открыли по кострам огонь и пришлось их потушить. К этому времени совсем стало темно. К нашей группе подошёл Марков, отсчитал 10 человек со мной и усла нас к первым трём домам станицы, вправо от центральной улицы. Мы должны были действовать только холодным оружием. Вообще всё нападение на спящую станицу должно было произойти внезапно и по возможности бесшумно. Это нам полностью удалось. Захватили целиком Военно-революционный комитет и штаб полка. В домах, куда нас направил Марков, никого не было, и хоть дома были красными разграблены и стояли без окон, в них оказалось уютно и тепло. Стали все по очереди валиться на пол и тотчас же засыпать. Для меня как-то сразу стало светло. Все попросыпались и пошли «в разведку». Успех был полный. По улицам бродили добровольцы, разыскивая свои части. В ночном побоище все перемешались. У реки, оказавшейся теперь незначительным потоком, я нашёл свою техническую часть. Пока мы «брали» дома, рота чинила мост, чтобы перевезти обоз и орудия. Одна сестра в разговоре с Марковым сказала ему, что это был настоящий «Ледяной поход». С её лёгкой руки за ним и утвердилось это название: «I Кубанский генерала Корнилова Ледяной поход». Здесь, в Новодмитриевской станице, все мы основательно передохнули, помылись, отстирались, а станичники нас подкормили, и мы снова стали похожи на людей.

Но самое тяжёлое нас ждало впереди.

Дальше отец рассказывал, как из Новодмитриевской, переформировавшись, тремя колоннами двинулись на Екатеринодар, брали его. С того

берега в бинокль отец видел крышу нашего дома, и казалось ему, вот-вот увидит всех нас, но погиб Корнилов. Добровольцы понесли огромные потери, и пришлось отступить. А ведь уже его цепь достигла Сенной площади. Перед этим было жаркое дело у Георгие-Афинской станицы, последней перед Екатеринодаром. Тогда помог случай. Вторым снарядом нашей батареи был взорван артиллерийский склад красных, и они в панике бежали вместе с двумя бронепоездами, из которых один попал в нашу засаду, и вся его матросская команда погибла.

Ночью оторвались от большевиков и шли без остановки всю ночь и весь следующий день до немецкой колонии Гначбау. Сзади красные наседали, спереди встречали огнём. Остатки армии вёл Деникин. Он решил вывести войска из треугольника Кубани и железных дорог. Ночью, вновь переформировавшись, двинулись на север к станице Медведовской и, не дойдя до неё, повернули на восток и пересекли железную дорогу. Условием для этого успеха был захват генералом Марковым бронепоезда (этот эпизод всем известен, почему опускаю его. — Ю. В.). Армия использовала вооружение бронепоезда и воспрянула духом. Оставили Кубанскую область и в селе Лежанке Ставропольской губернии были радушно встречены мужиками. Говорили корниловцы: не такими они были раньше, сплошь красными, а теперь опасались, что добровольцы их покинут. Лежанка дала пополнение. Тут же стало известно: на Дону восстание. Ещё бои, передвижение, броски на подводах, снова для этого оставление раненых, по мнению врачей, безнадежных, на милость врага, и спустя немного недель отец очутился в Новочеркасске, откуда переслал с оказией к нам в Екатеринодар подробное описание всех событий, изложенных здесь мною по памяти по прошествии 58 лет. Письмо с приложенной здесь фотографией доставили к нам на дом три матроса, о чём я рассказал в очерке о революции.

В начале июня из станицы Егорлыцкой выступил отряд из двух казачьих пехотных полков, одного конного, батареи и инженерной роты под командой генерала Маркова. Отец был в составе инженерной роты подрывником, начав эту службу ещё с отряда полковника Лесивицкого. Однако чаще всего приходилось брать винтовку и идти в цепь. Так было и в день гибели генерала Маркова в хуторе у станицы... (не помню названия. — Ю. В.). Только-только взяли хутор совместно с кубанскими стрелками, как подошёл красный бронепоезд и открыл огонь по хутору. Одним из снарядов был смертельно ранен Марков. И винтовка сама выпала из рук. Казалось, зачем теперь она? Красных разгромили, станицу взяли, но без Маркова душа вынута. Такое ощущение было у всех.

На следующий день гроб с телом генерала Маркова был отправлен в Новочеркасск. Инженерная рота несла караул.

За Корниловым — Марков.

После похорон запели добровольческую:

Смело мы в бой пойдём
За Русь Святую.
И как один прольём
Кровь молодую...

Первый Офицерский полк отныне по приказу генерала Деникина стал называться «1-й Офицерский генерала Маркова полк».

Так трагически начался 2-й Кубанский поход.

* * *

В детские и юношеские годы Чернецов, Неженцев и в особенности Марков были моими героями. Рассказ отца о гибели Маркова я хорошо запомнил, всё последующее за давностью основательно мною позабыто: бои, названия станиц и станций — всё это изгладилось из памяти и осталось только представление чего-то неизменно повторяющегося: атакующая цепь, чаще всего жидкая, сильный, но беспорядочный огонь большевиков, успех при этих обстоятельствах под сомнением, но вывозит умелый маневр, приводящий всё же к успеху. И теперь казаки опомнились и взялись за оружие. А о Сорокине, со слов отца, да и по отзывам других, сложилось впечатление, что не будь его с его кипучей энергией, даром военачальника и организатора, большевики не смогли бы столь долго и упорно сражаться на Северном Кавказе, а белая армия сохранила бы свою силу для сокрушительного удара по полчищам Троцкого.

В одном из боев отец был контужен, и когда был взят Екатеринодар, только встал с больничной койки. За этот или за другой бой он заслужил солдатскую Георгиевскую медаль.

Участие в обоих Кубанских походах и полученная контузия сильно подорвали его здоровье, но он не хотел оставаться в тылу, желая возбудить у своих судейских сослуживцев и знакомых порыв, дабы и они пошли в Добровольческую армию. Однако уже отбывшего в свою часть его вернули в Екатеринодар для временного исполнения должности «военного юриста».

В феврале 1920 года из Екатеринодара он вышел в составе небольшого отряда снова с винтовкой в руках. Направление: общеармейское «от Орла до Орла (Адлера)». В пути были стычки с «зелёными». Однажды они напали на отступающих большими силами во время ночёвки в каком-то ауле. В залегшей нашей цепи началась паника. Чтобы приободрить людей, отец встал и начал расхаживать по цепи. Увидя это, встал и поручик Женя Доминик и был тотчас же сражён пулей. Рассвело, и зелёные ушли. Настро-

ение у всех было подавленное. В Адлере отцу повезло погрузить его часть на корабль.

Он прибыл в Крым и там влился в общую боевую жизнь до самой Крымской эвакуации в октябре 1920 года.

Эвакуировался он из Феодосии.

Подорванное здоровье рано свело его в могилу после небольшой простуды.

Публикация и комментарии С. А. Манькова

(Окончание. Начало см.: *Русский мир*. 2012. № 7. С. 51–71)

КОММЕНТАРИИ

1. В данном контексте речь идёт о союзниках России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. — Англии («*Вили*», «*Томми*»), Франции («*галльский петух*») и Италии («*берсальеры*»).

2. *Боревич фон Бойна Светозар* (13.12.1856—23.05.1920), австрийский военачальник. По происхождению православный хорват. Окончил пехотную кадетскую школу в Либенау и Терезианскую военную академию. С 1912 г. генерал пехоты Австро-Венгерской Императорской армии и командир VI армейского корпуса. Во время Первой мировой войны командовал различными соединениями Австрийской армии на Галицийском и Итальянском фронтах. С 1918 г. генерал-фельдмаршал, главнокомандующий войсками на Итальянском фронте.

3. Речь идёт о подписанном 28 июня 1919 г. в ходе Парижской мирной конференции — Версальском мирном договоре, закрепившем победу союзных стран Антанты над Германией, раздел колоний, аннексию части территории и ограничение вооружённых сил последней. Из-за подписанного большевиками с Кайзеровской Германией в 1918 г. Брест-Литовского мирного договора Россия к данной конференции допущена не была.

4. *Куплеты* (или ария) *Мефистофеля* — песня из оперы Шарля Франсуа Гуно «*Фауст*» (1859).

5. Речь идёт о Императорском Военном Ордене Святого Великомученика и Победоносца Георгия — высшей военной награде Российской Империи, учреждённой в 1769 г.

6. *Скоропадский Павел Петрович* (15.03.1873—26.04.1945), из малороссийских дворян. Окончил Пажеский корпус (1893). Участник Русско-японской войны и

Первой мировой войны. С 1916 г. генерал-лейтенант Русской Императорской армии, генерал-адъютант. В 1917 г. командовал 34-м армейским корпусом, в частях которого проводил украинизацию. 29 апреля 1918 г., воспользовавшись затяжным политическим кризисом на Украине, опираясь на поддержку германского оккупационного командования, совершил государственный переворот, упразднил Украинскую Народную Республику и был провозглашён Гетманом Украинской Державы. Провёл ряд консервативных преобразований. После выхода Германии из Первой мировой войны и восстания, поднятого Украинской Директорией, 14 декабря 1918 г. отрёкся от гетманского престола и тайно покинул Украину. Проживал в эмиграции в Германии, где возглавлял движение гетманцев-державников. В конце Второй мировой войны был смертельно контужен в результате бомбардировки англо-американской авиацией.

7. Имеется в виду «*Знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода*» — награда, учреждённая в августе 1918 года приказом главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А. И. Деникина для награждения всех участников Первого Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии. Участникам боевых действий выдавался знак на Георгиевской ленте; для тех, кто непосредственного участия в боях не принимал — на Владимирской ленте. Знак представлял собой терновый венец, изготовленный из серебра, пересечённый мечом рукоятью вниз. На обратной стороне имелся порядковый номер знака. Всего по заказу командования ВСЮР было одновременно изготовлено 5 000 знаков.

8. *ОСВАГ* (Осведомительное агентство, с 1919 г. Отдел пропаганды при правительстве Вооружённых сил Юга России) — белая информационно-пропагандистская и агитационная структура, существовавшая в составе Добровольческой армии и ВСЮР в 1918–1920 гг., имевшая цель информирования населения о деятельности белых армий и правительств, а также ведения антикоммунистической пропаганды.

9. *Троцкий* Лев Давидович (наст. имя и фам. Лейба Бронштейн) (25.10.1879—21.08.1940), сын еврея арендатора. Учился в еврейской религиозной школе и в реальных училищах Одессы и Николаева. В 1898 г. арестован за участие в социал-демократическом «Южнорусском рабочем союзе», провёл два года в тюрьме, затем был выслан в Иркутскую губернию, откуда бежал за границу в 1902 г. На 2-м съезде РСДРП примкнул к меньшевикам, в 1904 г. перешёл к большевикам. В октябре — ноябре 1905 г. заместитель председателя петербургского Совета рабочих депутатов. Был арестован и осуждён на «вечное поселение» в Сибири, но бежал с пути. В 1912 г. организовал так называемый «Августовский блок», направленный против В. И. Ленина и большевиков. В начале Первой мировой войны, издавая в Париже антивоенную газету «Наше слово», был выслан из Франции. В 1916 г. в США издавал газету «Новый мир», в которой пропагандировал свою идею перманентной революции. Летом 1917 г. вошёл в партию большевиков как член Межрайонной организации РСДРП. В начале июля предостерегал рабочих от преждевременного вооружённого выступления, но тем не менее 23 июля был арестован Временным правительством. 2 сентября освобождён. 25 сентября избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Внёс большой вклад в подготовку

восстания в октябре 1917 г., после чего занимал посты: наркома иностранных дел, наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики, члена Политбюро ЦК РКП(б) и члена Исполкома Коминтерна. Один из организаторов массового террора и изъятия церковных ценностей. Составил оппозицию И. Сталину, за что в 1927 г. исключён из партии, в 1929 г. выслан из СССР. В 1932 г. лишён советского гражданства. Находясь в эмиграции, продолжал активную политическую и публицистическую деятельность. Был убит в Мексике агентом НКВД.

10. Экспедиционный корпус русской армии во Франции (*Русский экспедиционный корпус*) — соединение Русской Императорской армии, участвовавшее в Первой мировой войне на стороне Франции (1916–1918 гг.) и насчитывающее более 40 000 чинов.

11. *Котовский* Григорий Иванович (24.06.1881—06.08.1925), из мещан. В Российской Империи неоднократно осуждённый уголовный преступник. В 1917 г. при Временном правительстве прапорщик на Румынском фронте. Во время Гражданской войны возглавлял отряд, воевавший на стороне красных. С января 1920 г. командовал кавалерийской бригадой 45-й стрелковой дивизии, воюя на Украине и на советско-польском фронте. В апреле 1920 г. вступил в РКП(б). С декабря 1920 г. командир 17-й кавалерийской дивизии Червоного казачества. В 1921 г. командовал кавалерийскими частями, в том числе подавляя восстания махновцев, антоновцев и петлюровцев. В сентябре 1921 г. командир 9-й кавалерийской дивизии, в октябре 1922 г. командир 2-го кавалерийского корпуса. Убит начальником охраны Перегоновского сахарного завода М. Зайдером.

12. *Будённый* Семён Михайлович (13.04.1883—26.10.1973), сын батрака. С 1903 г. служил по призыву в Приморском драгунском полку. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Старший унтер-офицер, летом 1917 г. председатель полкового комитета. В 1918 г. на Дону избран членом окружного исполкома, сформировал конный отряд, с которым вёл боевые действия против белых. С 1919 г. член РКП(б). В июне 1919 г. части Будённого были развёрнуты в конный корпус, а в ноябре 1919 г. в 1-ю Конную армию. С 1923 г. помощник главкома РККА по кавалерии и член Реввоенсовета СССР. В 1924–1937 гг. инспектор кавалерии РККА. В 1932 г. окончил Военную академию имени Фрунзе. С 1935 г. маршал Советского Союза. С 1937 г. командующий войсками Московского военного округа. С 1937 г. депутат Верховного Совета СССР, с 1939 по 1952 гг. член ЦК ВКП(б). С 1940 г. 1-й заместитель Наркома обороны. Во время советско-германской войны входил в состав Ставки Верховного главнокомандования, Комитета Государственной Обороны. В июле–сентябре 1941 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного направления. В сентябре–октябре 1941 г. командовал Резервным фронтом, в апреле–мае 1942 г. главнокомандующий Северо-Кавказским направлением, в мае–августе 1942 г. командующий Северо-Кавказским фронтом. С 1943 г. командующий кавалерией РККА и член Высшего военного совета Наркомата обороны. В 1947–1953 гг. заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству.

13. *Жлоба* Дмитрий Петрович (03.06.1887—10.06.1938), сын батрака. Участник рабочего и революционного движения. С 1917 г. член РСДРП(б). В конце 1917 г.

направлен военным комиссаром в Донбасс, создал шахтёрский красногвардейский отряд, с которым участвовал в боях в Донбассе, Киеве и Ростове. Весной и летом 1918 г. один из командиров армии Северокавказской советской республики. Командовал полком, бригадой и «Стальной» дивизией в боях против белогвардейцев на Кубани и Северном Кавказе. Участвует в боевых действиях против Повстанческой армии Махно. В 1919 г. командовал особым партизанским отрядом и группой войск Каспийско-Кавказского фронта под Астраханью. С февраля 1920 г. командир 1-го конного корпуса и конной группы, действовавших летом 1920 г. против войск барона П. Н. Врангеля. В результате боев конная группа Жлобы была уничтожена, а он отстранён от командования. В 1921 г. командовал 18-й кавалерийской дивизией, совершившей занятие Грузии и Аджарии. Демобилизован в 1923 г. Находился на партийной и хозяйственной работе. Арестован НКВД в апреле 1937 г., а в 1938 г. в Краснодаре на закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорён к расстрелу.

14. *Петлюра* Симон Васильевич (17.05.1879—26.05.1926), из мещан. Учился в Духовной семинарии, исключён за участие в Революционной Украинской партии. В 1902 г. переехал в Екатеринодар, где в декабре 1903 г. арестован как член Черноморского Вольного общества. После освобождения в марте 1904 г. уехал во Львов, где учился в университете. Редактор газеты «Селянин», активный член Украинской социал-демократической рабочей партии. По возвращении в Россию работал учителем, бухгалтером, соредaktor журнала «Украинская Жизнь». В 1916-1917 гг. заместитель уполномоченного «Союза Земств» на Западном фронте. После Февральской революции избран председателем Украинского Фронтного Совета войск Западного фронта. Один из лидеров украинского сепаратистского движения, с июня 1917 г. генеральный секретарь по военным делам Центральной Рады Украины. После Октябрьского переворота член Краевого комитета охраны революции на Украине, с ноября по декабрь т. г. генеральный секретарь военных дел Украины. После провозглашения 11 января 1918 г. независимой Украинской народной республики (УНР) создал «Гайдамацкий Кош Слободской Украины». В апреле т. г. избран главой Киевского губернского земства и Всеукраинского Союза Земств. Находился в открытой оппозиции к гетману П. Скоропадскому. В ноябре 1918 г. избран членом Украинской Директории и главным атаманом армии УНР. Руководил антигетманским восстанием, взял Киев. После прихода красных с февраля 1919 г. глава Украинской Директории. Заключил договор с маршалом Пилсудским и присоединил армию УНР к польским войскам, с которыми ненадолго вернулся в Киев. С 1920 г. в эмиграции, жил в Польше, Венгрии, Австрии, Швейцарии и Франции. Один из лидеров украинской националистической эмиграции. Был убит в Париже евреем С. Шварцбартом, мстившим за еврейские погромы на Украине.

15. *Махно* Нестор Иванович (17.10.1889—06.07.1934), сын крестьянина. В годы Гражданской войны один из лидеров крестьянско-анархического движения на Украине, выступал под лозунгами «безвластного государства», «вольных советов», вёл вооружённую борьбу против германцев, гетманцев, петлюровцев, белогвардейцев, а затем и против Советской власти. В 1919 г. командир 3-й бригады Заднепровской

дивизии Красной армии, самовольно оставил фронт и вышел из состава Красной армии. Организовал собственную Революционно-повстанческую армию Украины, разгромленную красными в 1921 г., бежал в Румынию, эмигрировал в Польшу, затем во Францию, где и умер.

16. Будущий главнокомандующий Добровольческой армии генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин сочетался 25 декабря 1917 г. браком с дочерью генерала *Ксенией Васильевной Чиж* (1892–1973).

17. *Романовский* Иван Павлович (16.04.1877—05.04.1920), из дворян. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Службу начал в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Участник Русско-японской войны. С 1909 г. старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, затем на службе в Главном управлении Генштаба, с 1912 г. полковник. После начала Первой мировой войны в действующей армии: начальник штаба 25-й пехотной дивизии. В 1915 г. командир 206-го пехотного Сальянского полка, затем начальник штаба 52-й пехотной дивизии, а с 1916 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии. С апреля 1917 г. и. д. начальника штаба 8-й армии. В мае 1917 г. назначен 1-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем. После выступления Корнилова вместе с ним был арестован и помещён в Быховскую тюрьму. 19 ноября 1917 г. бежал на Дон, вступил в Добровольческую армию. С декабря 1917 г. начальник строевого отдела штаба армии. С февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, а затем ВСЮР; постоянный член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. С 1919 г. генерал-лейтенант. После отставки генерала Деникина уехал в Константинополь. Убит членом тайной монархической организации.

18. Вернее, *Май-Маевский* Владимир Зенонович (15.09.1867—13.11.1920), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888) и Николаевскую академию Генштаба (1896). Службу начал в лейб-гвардии Измайловском полку. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1914 г. генерал-майор, командир бригады 11-й пехотной дивизии. В 1915 г. генерал для поручений при командующем 11-й армией. С 1916 г. командующий 35-й, с 1917 г. 4-й пехотных дивизий. С июля 1917 г. командир 1-го гвардейского корпуса. В 1918 г. на Дону вступил в Добровольческую армию. С ноября 1918 г. командир 3-й стрелковой (Дроздовской) дивизии. В феврале 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, в мае 1919 г. назначен командующим Добровольческой армией, генерал-лейтенант. Снят с командования в ноябре 1919 г. за кутежи и пьянство и уволен в отставку. Умер от разрыва сердца в одной из больниц Севастополя.

19. *Филимонов* Александр Петрович (14.09.1866—04.08.1948), кубанский казак. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1884), Московское Александровское военное училище (1886), Александровскую Военно-юридическую академию (1907) и Археологический институт. С 12.10.1917 по 10.11.1919 гг. атаман Кубанского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Из-за разногласий с А. И. Деникиным вынужден был сложить с себя полномочия атамана Кубанского казачьего войска. В декабре 1919 г. эмигрировал в Сербию, где и умер.

20. *Noblesse oblige* — французское выражение, означающее «благородное (дворянское) происхождение обязывает».

21. *Вильгельм II* (27.1.1859—04.06.1941), Император Германии и король Пруссии с 1888 г. из династии Гогенцоллернов. В 1918 г. был вынужден отречься от престола в результате Германской революции и отказа в поддержке со стороны высшего командования германской армии. Остаток жизни прожил в Нидерландах в г. Доорн.

22. *Бобринец* — в описываемое время заштатный город, центр Алексеевской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии, ныне город районного значения в Кировоградской области Украины.

23. *Кантонисты* — малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, которые образовывали в России в 1805–1856 гг. как бы особое сословие лиц, принадлежащих в силу своего происхождения со дня рождения к военному ведомству.

24. *Шкуро* Андрей Григорьевич (07.02.1886—16.01.1947), из кубанских казаков. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Во время Первой мировой войны — полковник, командир Кубанского конного (партизанского) отряда особого назначения. В мае 1918 г. сформировал добровольческий отряд, возглавил антисоветское восстание и освободил Кисловодск. С июля 1918 г. начальник Кубанской партизанской бригады, с ноября генерал-майор, начальник Кавказской конной дивизии. С 1919 г. генерал-лейтенант, командир 3-го Кубанского конного корпуса. В 1920 г. командующий кубанской армией. В эмиграции во Франции. В 1941–1945 гг. формировал казачьи части Вермахта. Выдан англичанами советской стороне и казнён в Москве.

25. Рейд 4-го Сводного Донского казачьего корпуса ВСЮР под командованием генерал-лейтенанта Константина Константиновича Мамонтова (16.10.1869—14.02.1920), был предпринят в июле–ноябре 1919 г. в тыл Красной армии. В ходе него белыми были захвачены Тамбов, Лебедянь, Елец, Воронеж и др. города. Рейд был остановлен конницей Будённого.

26. *Чувяки* — мягкая кожаная обувь без каблуков у народов Кавказа и Средней Азии.

27. «*Колокольчики*» — принятое в народе название денежных знаков Вооружённых сил Юга России. Купюра достоинством в 1000 рублей имела изображение «Царь-колокола» и дала жизнь этому названию.

28. *Фланировать*, т. е. прогуливаться без цели (*устар.*).

29. *Черкеска* — русское название верхней мужской одежды — кафтана, которая была распространена в обиходе у многих народов Кавказа и казаков.

30. Речь идёт об Обелеске в честь двухсотлетия Кубанского казачьего войска, возведённого в 1896 г. Памятник был разрушен в начале 1930-х годов, восстановлен в 1999 г.

31. *Скетин-ринг* (англ., skating ring) — ледяной каток.

32. *Кулабухов* Алексей Иванович (1880—07.11.1919), священник. После 1917 г. казачий сепаратистский политик и общественный деятель, член Кубанского правительства и Кубанской Рады, входил в состав кубанской делегации на Парижской

мирной конференции. Повешен по решению белого военно-полевого суда по обвинению в измене и прочих преступлениях.

33. *Кубанская краевая рада* — орган административного управления Кубанской областью, создан 9 марта 1917 г. под председательством полковника (позже генерал-лейтенанта) А. П. Филимонова, избранного войсковым атаманом Кубанского казачьего войска. После большевистского переворота создала Кубанское краевое правительство, осуществлявшее борьбу с Советской властью и взаимодействие с Особым совещанием при Главнокомандующем ВСЮР. Вступала с последним в острые противоречия, из-за чего в ноябре 1919 г. было разогнано генерал-лейтенантом В. Л. Покровским.

34. *Барон Врангель* Пётр Николаевич (15.08.1878—22.04.1928), из дворян. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге (1901). В 1901 г. вступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк. Выдержал экзамен на чин корнета при Николаевском кавалерийском училище (1902). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1910 г. окончил курс в Николаевской академии Генерального штаба, но остался служить в строю лейб-гвардии Конного полка. Окончил курс Офицерской кавалерийской школы (1911). С 1914 г. начальник штаба Сводно-казачьей дивизии, с сентября т. г. помощник командира лейб-гвардии Конного полка по строевой части, полковник. С 1915 г. командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. В 1916–1917 гг. командир 2-й, а затем 1-й бригады Уссурийской конной дивизии. В январе 1917 г. произведён в генерал-майоры и назначен временным командующим Уссурийской конной дивизии. С июля 1917 г. командующий 7-й кавалерийской дивизией, затем командующий Сводным кавалерийским корпусом. После Октябрьской революции отправился на Дон, где присоединился к атаману А. М. Каледину, которому помогал в формировании Донской армии. С августа 1918 г. в Добровольческой армии: командовал 1-й конной дивизией, 1-м конным корпусом. В ноябре 1918 г. произведён в генерал-лейтенанты, а в декабре назначен командующим Кавказской добровольческой армии. В декабре 1919 по январь 1920 гг. командующий Добровольческой армией. В феврале 1920 г. из-за разногласий с генералом А. И. Деникиным уволен в отставку. После отставки Деникина, по решению высшего командования ВСЮР, 22 марта 1920 г. назначен главнокомандующим ВСЮР, в мае преобразованной им в Русскую армию. Эвакуирован из Крыма в Константинополь 17 ноября 1920 г. В 1922 г. со штабом переехал из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в Сремски Карловицы. В 1924 г. под его руководством создан Русский Обще-Воинский союз (РОВС). В сентябре 1927 г. переехал с семьёй в Бельгию, где и скончался.

35. Речь идёт о Тамбовском восстании — одном из крупнейших повстанческих крестьянских выступлений, поднятых в 1920–1921 гг. против Советской власти.

36. *«Кабирия»* — популярный немой итальянский художественный фильм, снятый режиссёром Джованни Пастроне в 1914 г.

37. *Айя-София (Ayasofya)* — турецкое название патриаршего православного Собора Святой Софии, возведённого в 537 г. византийским Императором Юсти-

нианом. После завоевания турками Константинополя в XV в. превращён в мечеть. С 1935 г. и поныне музей.

38. *Принцезы острова, Халки, Хиос* — острова в Мраморном и Эгейском морях.

39. Автор ошибается, речь идёт о *Митрополите Антонии* (Храповицком) (17.03.1863—28.07.1936), будущем первоиерархе Русской Православной Церкви за границей.

40. *Испанка* — крупнейшая пандемия гриппа, господствовавшая в мире в 1918–1920 гг.

41. *Журавель* — сборник шуточных куплетов, популярных в Русской Императорской армии в XIX — нач. XX вв.

42. *Востоков* Владимир Игнатьевич (11.07.1868—05.08.1957), православный священник. Окончил Коломенское духовное училище (1882), Московские духовные семинарию (1888) и академию. С 1891 г. священник. Отличался крайними монархическими взглядами, был известен как критик социализма и пропагандист антиалкогольного движения. После 1917 г. активный противник советской власти. Находился на Юге России. В 1920 г. выслан из Крыма по приказу генерала барона П. Н. Врангеля за монархическую пропаганду. В эмиграции член Высшего Зарубежного Церковного Управления, духовник Корпуса Императорских армии и флота. С 1954 г. протопресвитер.

43. *Папенгут* Павел Оскарович (10.02.1854—17.10.1935), из дворян. Окончил Смоленскую гимназию (1871), Константиновское военное училище (1876) и Академию Генерального Штаба (1882). Участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. С 1907 г. генерал-лейтенант. С 1914 начальник 41-й бригады Государственного ополчения, затем начальник 18-й пехотной дивизии. С 18.04.1917 г. в резерве чинов при штабе Двинского военного округа. Участник Белого движения в составе ВСЮР. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, чин Корпуса Императорских армии и флота. Умер во Франции.

44. *Евреинов* Кирилл Александрович (?—03.08.1980), из дворян. Активный деятель движения русских скаутов в эмиграции. Выпускник Первого Русского Великого Князя Кадетского Корпуса в Югославии. Член Народно-Трудового Союза.

45. *Миллюков* Павел Николаевич (15.01.1859—31.03.1943), из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1886 г. приват-доцент. Прозападный либеральный учёный-историк. В 1895 г. уволен из университета за «дурное влияние на молодёжь» и административно выслан в Рязань, а через два года переехал в Болгарию, где ему была предоставлена кафедра истории Софийского университета. В 1898 г. отстранён от преподавания по требованию русского посольства. В 1903–1905 гг. читал лекции в Европе и США, встречался с представителями различных политических партий. В 1905 г. председатель объединённых профессиональных организаций — Союз союзов, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической (кадетской) партии, председатель её ЦК, редактор газеты «Речь». Депутат III и IV Государственной думы. Горячий сторонник вступления России в Первую мировую войну. Один из организаторов клеветнической компании против Императрицы Александры Фёдоровны и её

окружения. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 1 мая 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства; после выхода в отставку перешёл в оппозицию. Политический противник большевиков, поддерживал выступление генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г. и кайзеровскую интервенцию в 1918 г. С ноября 1918 г. в эмиграции. В 1921–1940 гг. редактор парижской газеты «Последние новости». Один из лидеров Республиканско-демократического объединения, входил в Парижскую демократическую группу Партии народной свободы. С 30-х гг. придерживался просоветских взглядов. Умер на юге Франции.

46. *Тито* Иосип Броз (25.05.1892—04.05.1980), сын хорватского крестьянина. Согласно официальной биографии, с 1910 г. состоял в Социал-демократической партии Хорватии и Славонии. В 1913 г. призван в Австро-Венгерскую армию. В 1915 г. во время Первой мировой войны попал в русский плен. В 1917–1920 гг. на стороне большевиков участвовал в революционных событиях и в Гражданской войне в России. После возвращения в Королевство сербов, хорватов и словенцев присоединился к местным коммунистам. В 1928 г. стал секретарём Загребского комитета нелегальной Коммунистической партии Югославии (КПЮ), за что был арестован и осуждён на 5 лет каторжной тюрьмы. После освобождения в 1934 г. возобновил нелегальную деятельность, был членом крайкома КПЮ в Хорватии, затем членом ЦК КПЮ и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935–1936 гг. работал в Коминтерне в Москве. С декабря 1937 г. возглавил КПЮ. С 1940 г. избран генеральным секретарём ЦК КПЮ. С 1941 г. после оккупации Югославии Германией глава коммунистических партизанских отрядов (так называемая Народно-освободительная армия). Вёл жесточайший террор против немецких оккупационных войск, а также политических оппонентов (в основном сербских монархистов-четников). С 1943 г. маршал и председатель Национального комитета освобождения Югославии. В марте 1945 г. провозглашён председателем Совета Министров, министром обороны и верховным главнокомандующим Вооружёнными силами Демократической Федеративной Югославии. В 1945 г. избран председателем Народного фронта (в 1953–1954 гг. председатель Социалистического союза трудового народа Югославии). В 1953–1963 гг. председатель Союзного исполнительного вече Федеративной Народной республики Югославия. С 1952 г. председатель Союза коммунистов Югославии (СКЮ). С 1953 г. президент Союзной федеративной республики Югославия (СФРЮ). С 1971 г. возглавлял Президиум и Совет федерации СФРЮ.

47. *Толстовский фонд* (англ. Tolstoy Foundation) — благотворительный фонд, основанный в 1939 г. в США младшей дочерью писателя Льва Толстого Александрой Толстой с целью помощи русским эмигрантам. Оказывал помощь беженцам, перемещённым лицам, сиротам, финансировал образовательные программы.

48. *Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев* — официальное название государства, образованного 1 декабря 1918 г. путём объединения Сербии и славянских земель, ранее входивших в состав Австро-Венгерской Империи. 6 января 1929 г. переименовано в Королевство Югославию.

49. *Новиков* Николай Иванович (27.04.1744—31.07.1818), дворянин. Русский издатель, журналист и масон.